

ПРАВДА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ

Николай МАРКЕЛОВ

«ЖИЗНЬ ЧУДНАЯ ЕГО В ПОТОМСТВО ПЕРЕЙДЕТ...»

Образ А. П. Ермолова на страницах
русской классической поэзии

В ходе Кавказской войны XIX века ничье имя не прозвучало так громко и не вспоминается сегодня так часто, как имя генерала Ермолова. Чеченские события последних лет невольно выдвинули из исторического небытия исполинскую фигуру нашего главного покорителя Кавказа. У Ермолова много заслуг перед Россией. Первый Георгиевский крест он получил по представлению самого Суворова. Пролил свою кровь на Бородинском поле, а во время сражения отбил у французов батарею Раевского и тем спас всю армию. Преданность, которую он внушал, была беспредельна. Лучшие русские поэты посвящали ему стихи. Упомянув имя Ермолова в эпилоге «Кавказского пленника», Пушкин еще много лет держал его образ в центре своего творческого внимания. Имя полководца упомянуто в ряде прозаических произведений: в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в эпосе Л. Н. Толстого «Война и мир», образ его запечатлен и в романе Н. С. Лескова «Некуда». Ни одна другая, пусть самая замечательная личность в нашей истории XIX века не получила такого отражения на страницах русской классики, как Алексей Петрович Ермолов.

Николай Васильевич Маркелов — главный хранитель Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. Член Союза писателей России. Автор более 600 публикаций о русских писателях на Кавказе и событиях Кавказской войны XIX века (журналы «Дон», «Московский журнал», «Новый мир», «Родина», «Рубеж» и другие). Автор восьми книг. Лауреат премии нескольких литературных премий, в том числе Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2012). Живет в Пятигорске.

В. А. Жуковский: «Ермолов, витязь юный...»

Впервые всероссийская слава пришла к Василию Андреевичу Жуковскому после напечатания большого стихотворения «Певец во стане русских воинов», посвященного героям Отечественной войны 1812 года. Следует заметить, что и сам поэт был в это трудное время не только певцом, но и воином: в составе русских войск он проделал всю героическую кампанию.

По обычаю века, малолетний Жуковский был записан в Астраханский гусарский полк и в возрасте шести лет получил первый офицерский чин прапорщика. На этом воинская «служба» будущего поэта была прервана и возобновилась только в августе 1812 года, когда он в чине поручика был зачислен в Московское народное ополчение. В день Бородина Жуковский находился на поле боя, но в сражении не участвовал, так как его полк оставался в глубоком резерве, и поэт слышал только отдаленный шум битвы. Он был участником знаменитого марша-маневра, предпринятого Кутузовым и завершившегося Тарутинским сражением. В дальнейшем служба Жуковского проходила в походной типографии при Главном штабе. После сражения под Красным, очевидцем которого он был, поэт заболел горячкой и попал в военный госпиталь в Вильне, где едва не умер. В 1813 году в чине штабс-капитана вышел в отставку.

«Вся моя военная карьера состоит в том, — вспоминал поэт, — что я прошел от Москвы до Можайска пешком; простоял с толпою русских крестоносцев в кустах в продолжение Бородинского дела, слышал свист нескольких ядер и канонаду дьявольскую; потом, наскучив биваками, перешел в главную квартиру, с которой по трупам завоевателей добрался до Вильны, где занемог, взял отпуск бессрочный и теперь остаюсь в нерешимости: ехать ли назад или остаться. Мне дали чин и намерное обещали Анну на шею, если я пробуду еще месяц. Но я предпочел этому возвращение, ибо записался под знамена не для чина, не для креста... а потому, что в это время всякому должно быть военным, даже и не имея охоты. А так как теперь война не внутри, а вне России, то почитаю себя вправе сойти с этой дороги...»¹

Вероятно, Ермолов был знаком с Жуковским еще по Тарутинскому лагерю. Во всяком случае, в беседе с П. И. Бартеневым в декабре 1854 года он так отзывался о поэте: «Мы вспомнили о Жуковском, и Ермолов заметил о том, что он помогал Скобелеву писать бюллетени и по своей скромности дозволил ему пользоваться незаслуженною славой. Андрея Кайсарова, который заведовал походною типографиею фельдмаршала, он не помнит, а называл брата его Паисия, который был любимцем Кутузова. Последний, по словам Ермолова, ценил Жуковского за его сочинения»².

Стихотворение «Певец во стане», написанное еще накануне Тарутинского сражения и появившееся в печати в декабре 1812 года, поименно воспекает всех главных наших участников Отечественной войны. Первым, и это понятно, славится «русский царь» — Александр I, причем слово «царь» дважды набрано заглавными буквами. Далее следует Кутузов — «наш бодрый вождь, герой под сединами»; имя его не названо, зато упомянуто «израненное чело». Следующим должен был бы идти Барклай, но его, по-видимому, из-за всеобщей нелюбви к нему в армии и народе Жуковский даже не упомянул. Вопрос о том, кого же из наших полководцев назвать следующим, мог вызвать у автора определенные затруднения: называя чье-то имя, Жуковский не мог не сознавать, что его избранник займет тем самым почетнейшее место на историческом пьедестале, сразу после государя и главнокомандующего армией. Жуковский без колебаний называет Ермолова:

¹ Жуковский В. А. Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1939. Т. I. С. XXI.

² Бартенев П. И. Разговор с А. П. Ермоловым // Русский архив. 1863. Ст. 857.

Хвала сподвижникам-вождям!
 Ермолов, витязь юный,
 Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
 И страх твои перуны!

Употребив по отношению к Ермолову поэтическую формулу «витязь юный», Жуковский нисколько не погрешил против истины: тридцатипятилетний генерал был в то время заметно моложе других наших полководцев.

Нежданно-негаданно с помощью «Певца» Жуковский вознесся на самый верх. Императрица Мария Федоровна, пригласив его ко двору, испросила для себя собственноручно написанный Жуковским экземпляр стихотворения и наградила счастливого автора драгоценным перстнем. Более того, по ее приказу и за ее счет «Певец» тут же был напечатан в количестве трехсот штук, а вырученные от продажи средства пошли в пользу поэта.

Работать над «Певцом» Жуковский продолжал еще два последующих года, внося изменения в соответствии с ходом военных событий и зависящих от них генеральских репутаций. «Вопрос об иерархии славы, — замечает исследователь, — встал в этой работе перед Жуковским и как вопрос о количестве стихов, отводимых восхваляемому герою: строфа, две строфы, четверостишие, двустиишие, стих. В соответствии с происходящей переоценкой, генералы передвигаются из строфы в строфу, и четверостишие-характеристика отбирается у одного и передается другому»³. Так, М. С. Воронцов, которому в первоначальном варианте был уделен единственный эпитет «твердый», впоследствии удостоился двух полновесных строф (24 строки). Адмирал Чичагов, обвиняемый всеобщим мнением в том, что упустил Наполеона при Березине, вообще без сожаления был выброшен из текста. Имени Ермолова подобные изменения не коснулись.

В год 25-летия Бородинской битвы Жуковский посвятил Ермолову еще одно стихотворение. Впоследствии оно было помещено в «Русском архиве» Петра Бартенева за 1870 год, причем издатель счел необходимым сделать следующую заметку:

Немногим известно, что Алексей Петрович Ермолов собрал значительную библиотеку, которую он при жизни продал Московскому университету; еще менее известно то, что знаменитый наш полководец занимался переплетом своих книг в своей подмосковной, где жил долго, устранившись от действительной службы.

В числе книг, поступивших от Ермолова в библиотеку Московского университета, мы видели там «Стихотворения Жуковского», издания 1837-го года.

На заглавии 1-й части, рукою Жуковского, следующая надпись:

«Его Высокопревосходительству, Алексею Петровичу Ермолову, от автора, на память глубокого почтения. Москва, 1837, декабря 10».

На обороте заглавия тою же рукою написано:

Ермолову

Жизнь чудная его в потомство перейдет:
 Делами славными она бессмертно дышит.
 Захочет — о себе, как Тацит, он напишет,
 И лихо летопись свою переплетет.

По прошествии двух лет Ермолов и Жуковский виделись еще раз — в годовщину Бородинской битвы, которая в 1839 году отмечалась с широким размахом. На бата-

³ Жуковский В. А. Указ. соч. С. 367.

рее Раевского был открыт памятник, а на поле сражения проводились большие маневры, воспроизводившие ход боевых действий 1812 года. Среди многочисленных приглашенных находился высший генералитет, ветераны и почетные гости, как-либо причастные к славному событию.

10 сентября маневры, которыми командовал фельдмаршал И. Ф. Паскевич, длились в течение всего дня. Передают, правда, что к полудню император Николай не утерпел и взял бразды правления в свои руки. В 1812 году ему, тогда еще великому князю, исполнилось только 16 лет. Теперь же ему очень хотелось наверстать упущенное и «повоевать», несмотря даже на то, что на поле не было ни одного французского солдата. Да и сам император едва ли мог претендовать на исчерпывающие познания того, как в реальности проходило знаменитое сражение.

Комментируя происходящее, Ермолов заметил, что «это зрелище содержит много произвольных уклонений от действительного хода битвы»⁴. И остроумно добавил, что ход сражения воспроизводится с теми поправками, которые счел нужным внести в него господин маршал. Соль шутки в том, что Паскевич хотя и участвовал в Бородинском сражении в качестве командира 26-й пехотной дивизии, но никакой значительной роли тогда не сыграл.

На следующий день состоялась торжественная литургия, за которой следовал грандиозный обед на триста персон. Все оставшиеся еще в живых участники битвы получили знаки отличия. Многие из собравшихся читали наизусть отрывки из «Певца», и Жуковский был растроган «до глубины сердца».

Я был в Бородине в самый день великолепного праздника, которым государь угостил свою армию, — передавал поэт свои впечатления. — Палатою для пирующих было Бородинское поле, а украшением палаты монумент бородинского боя с Багратионовым гробом у подошвы его, и бородинские холмы, на которых под жатвою, их покрывающею, спит почти целое войско, здесь погребенное со славою. Таких палат на свете немного⁵.

В том же году Жуковский написал большое стихотворение «Бородинская годовщина». Имени Ермолова в нем не упомянуто, перечислены же только главные участники сражения, которые к тому времени уже покоились вечным сном.

Жуковскому приписывают еще одно стихотворение, посвященное генералу, —

Надпись к портрету А. П. Ермолова

За ним, пред ним нет пышных титл,
Не громок он средь гордой знати;
Но за него усердный глас молитв
Непобедимой русской рати.

В большом биографическом очерке А. П. Ермолова, выпущенном Александром Ермоловым в 1912 году, это четверостишие помещено, с указанием авторства Жуковского, в разделе стихотворений, созданных в честь полководца. Однако на данный момент авторство Жуковского считать достоверно установленным нет оснований, и современные издания произведений поэта этого стихотворения не включают. Вместе с тем существует рассказ В. В. Хлопова, напечатанный журналом «Русская старина» в 1874 году. Автор, общавшийся с Ермоловым на протяжении многих лет, прямо утверждает,

⁴ Гагерн. Россия и русский двор в 1839 г. // Русская старина. 1891. Январь. С. 10—11.

⁵ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. — СПб., 1902. Т. 4. С. 175.

что «это четверостишие принадлежит В. А. Жуковскому и написано им „к портрету“ А. П. Ермолова».

«Хотя я не могу подтвердить сказанного никаким письменным документом, — продолжает Хлопов, — но могу положительно удостовериться, что слышал об этом неоднократно от самого Алексея Петровича, которого этот привет нашего знаменитого поэта до крайности трогал всякий раз, когда он вспоминал его; причем он обыкновенно говаривал, что тем более ценит эти слова, что они принадлежат царедворцу, неустрашившемуся сказать их в похвалу опального»⁶.

А. С. Грибоедов: «Человек прошедшего века»

Александр Сергеевич Грибоедов — единственный из наших литературных классиков, кому довелось служить под началом А. П. Ермолова, долгое время видеть его вблизи и общаться с ним — как по официальным делам, так и в непринужденной обстановке. Многочисленные упоминания имени Ермолова, замечания о нем и краткие, но чрезвычайно интересные и меткие его характеристики содержатся в путевых заметках и письмах поэта. Несколько суждений о Грибоедове оставил и Ермолов.

Служебные и личные отношения двух великих людей длились около десяти лет, с 1818-го (время назначения Грибоедова в Персию) по 1827 год (отставка и отъезд Ермолова с Кавказа). Последняя, вероятно, их встреча состоялась в марте 1828 года в Москве, где Грибоедов находился проездом в Петербург, для представления Туркманчайского трактата императору Николаю. Грибоедову оставалось жить тогда меньше года, Ермолов же прожил еще три с лишним десятка лет.

Служебное и общественное положение их в период знакомства было весьма различно и претерпевало к тому же известные изменения. С одной стороны — генерал-лейтенант, а вскоре и генерал от инфантерии Ермолов, герой 1812 года, один из самых знаменитых и популярных в обществе военачальников России, «проконсул Кавказа», то есть практически наместник с неограниченными правами, вынужденный все же незаслуженно и бесславно покинуть свой пост. С другой — титулярный советник Грибоедов, побывавший под арестом и следствием по делу о 14 декабря, оправданный и стремительно поднявшийся по служебной лестнице до звания полномочного русского министра при персидском дворе.

Их отношения трудно назвать равными и простыми. Суждения Грибоедова о Ермолове полны восторженных оценок, но одновременно — некоторого скептицизма и даже прорывающей обиды. Ермолову, несомненно, нравились острый ум и ироничность Грибоедова, но в конечном счете оба пережили взаимное охлаждение, и отношения их приняли неприязненный характер.

При определении на дипломатическую службу Грибоедов получил скромное место секретаря русской миссии. От него самого зависел важный выбор: ехать в Америку или Персию. Он выбрал последнее, и его судьба навсегда оказалась связанной с Кавказом.

В конце октября 1818 года, совершив труднейший переезд по Военно-Грузинской дороге, Грибоедов прибыл в Тифлис. В столице Грузии поэта с нетерпением ожидал старый знакомец Александр Якубович, известный на Кавказе храбрец, служивший здесь в драгунском полку. Дело в том, что дуэль между ними, не состоявшаяся в Петербурге, была отложена до первой же встречи. Поединок произошел ноябрьским утром в окрестностях Тифлиса. Грибоедов дал промах, а выстрел противника повредил эту левую кисть, — по этой примете его обезображенный труп был опознан после тегеранской трагедии. Секундантом Грибоедова оказался Николай Муравьев (будущий

⁶ Хлопов В. В. Вечер с А. П. Ермоловым // Русская старина. 1874. Т. X. С. 199.

покоритель Карса и наместник Кавказа). Как ни старались участники дуэли сохранить в тайне это происшествие, о нем стало известно Ермолову. Вот запись из дневника Муравьева, относящаяся к 25 декабря: «Вечер я провел у главнокомандующего и сидел у Петра Николаевича (генерал Н. П. Ермолов, двоюродный брат А. П. Ермолова. — Н. М.) до 2-го часа ночи. Он мне рассказывал разные происшествия по службе. Между прочим, он сказал мне, что Алексей Петрович очень сердится на Якубовича за случившийся поединок...»⁷

В последующих записях Муравьева, за январь 1819 года, прослеживается некоторая противоречивость в его суждениях о Грибоедове, незаслуженно, по мнению автора дневника, пользовавшегося добрым расположением Ермолова. С одной стороны, Муравьев не мог не оценить глубокого ума и образованности начинающего дипломата, с другой — ревнивое чувство заставляло его отыскивать нравственные изъяны в характере поэта: «11-го я был у Алексея Петровича, который говорил очень долго о разделении Польши с таким красноречием и с такими познаниями, что мы все удивлялись и заслушались его. Грибоедов проделывает с ним все те же самые штуки, которые он со мной делал, и надувает Алексея Петровича, который, верно, полагает в нем пространные и глубокие сведения. Грибоедов умен и умеет так осторожно действовать, что все речи его двусмысленны, и он тогда только дает утвердительное мнение свое, когда Алексей Петрович свое скажет, так что никогда ему не противоречит и повторяет слова Алексея Петровича: все думают, что он прежде тот предмет также хорошо знал...

22-го я обедал у Алексея Петровича. Грибоедов отличался глупейшей лестью и враками. Я не понимаю, как Алексей Петрович может так долго ошибаться в нем. Он, кажется, к нему еще очень хорошо расположен, и мне кажется сие за счастье, что Грибоедов не остается в Тифлисе, а уезжает с Мазаровичем...

28-го. Уехал отсюда с Мазаровичем в Персию, к великому удовольствию всех, Грибоедов, который умел заслужить всеобщую нелюбовь. Мне кажется, однако же, что Алексей Петрович не ошибся на его счет. Он препоручил Грибоедову сделать описание случившемуся здесь землетрясению для помещения оногo в ведомости. Грибоедов написал ужасную штуку... Я узнал, что Алексей Петрович премного его благодарил за сие и расхваливал его; по отъезде же Грибоедова он приказал Могилевскому пересочинить все сие сызнова»⁸.

Острота отношений двух молодых людей однажды едва не довела их до поединка, но, по счастью, все разрешилось миром, хотя Муравьев так и не смог, даже после смерти Грибоедова, преодолеть своей к нему неприязни.

Спустя три месяца после приезда в Тифлис, в составе русской миссии, поэт отправился в Персию. Как Пушкин после транскавказской поездки 1829 года создал знаменитое «Путешествие в Арзрум», так и Грибоедов, проделав подобный маршрут за десять лет прежде, мог бы оставить потомкам и свое «Путешествие в Тавриз». Более того, из-под его пера уже выходили и первые страницы путевого дневника, и первые строки писем, полные изведенных здесь впечатлений, но труд этот, увы, завершен никогда не был и так и остался в виде бесценных и разрозненных заметок.

...На втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся со здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня моей верховой езды, — писал наш странник оставшемуся в России верному другу Степану Никитичу Бегичеву. — Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует, а вос-

⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1980. С. 45.

⁸ Там же. С. 46—47.

поминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом не сомневаюсь. Кажется, что он меня полюбил, а впрочем в этих тризвездных особах не трудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: «Ne nous sacrifiez, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse» («Не пожертвуйте нами, ваше превосходительство, если когда-нибудь вы затеете войну с Персией». — *Н. М.*). Он рассмеялся, сказал, что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! — А с нами что тогда будет? Кстати об нем, — что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на все годеи, не на одни великие дела, не на одни мелочи, замечь это. Притом тьма красноречия, и не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство, его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет понимать и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедится, все-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памяты, потому что я с ним часто спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был уверен, иначе бы так не было; однако ни разу не переспорил; может быть, исправил. Я его видел каждый день, по несколько часов проводил с ним вместе, и в удобное время, чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал, чтобы несколько отдохнуть после своей экспедиции против горцев, которую в марте снова предпринимает, следовательно — менее был озабочен трудами.

...Он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь... Я*** (*А. И. Якубович. — Н. М.*), на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в Инвалиде (журнал «Русский инвалид». — *Н. М.*) вздор, на который я в С. О. (журнал «Сын Отечества». — *Н. М.*) отвечал таким же вздором. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать? — По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, прямигких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня в этом нельзя упрекнуть...

В последний раз на бале у Мадатова, я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: «Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь: предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je surs l'embrasser» (Покажи я себя победителем, и моя карьера окончена. — *Н. М.*)⁹.

Перед отъездом в Тегеран поэт заметил в письме к петербургским друзьям, что ему особенно жаль расставаться с Ермоловым: «Коли кого жаль в Тифлисе, так это Алексея Петровича. Бог знает, как этот человек умел всякого привязать к себе, и как умел...»¹⁰

⁹ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. — Пг, 1917. Т. III. С. 35—37.

¹⁰ Там же. С. 135.

«Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии!» — восклицал Грибоедов. Осенью 1819 года он вернулся из персидского плена 150 русских солдат. Доведя свой небольшой отряд до Тифлиса, сам отправился далее на север, в Чечню, где в это время находился Ермолов. Генерал одобрил его действия, а в письме в Министерство иностранных дел даже представил к награде, но это ходатайство осталось без последствий. Замечание об этой встрече с Ермоловым сохранилось в письме Грибоедова к П. А. Катенину: «Из Табриса, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу за новыми наставлениями. Нашел его как прежде необыкновенно умным, хотя недружелюбным. Он воюет, мы мир блюдем; естли однако везде так мудро учреждены посольства от императора, как наше здесь: полки его опаснее, чем умы его дипломатов»¹¹.

Человек невероятных амбиций, мечтавший о судьбе нового пророка, Грибоедов был удручен состоянием своей служебной карьеры. Мундир иностранной коллегии оказался ему мучительно тесен. Смириться с ролью мелкого чиновника, прозябающего в душевной персидской глуши, было невозможно. В раздраженном уме поэта множилось обвинения в адрес начальства, а в том числе — и в адрес Ермолова. Вот строки его письма из Тавриза к А. И. Рыхлевскому, чиновнику при Ермолове, от 25 июня 1820 года:

Что главнокомандующий намерен делать, я не спрашиваю: потому что он сфинкс новейших времен. Вы не поверите, как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича в целый год разу не знаем, где его пребывание, и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность... От чего великий наш Генерал махнул рукою на нас жалких, и ниже одним чином не хочет вперед толкнуть на просторном поле Государевой Службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался Капитаном Артиллерии? Я хотя не осмелил еще моего умения до того, чтобы с ним смеряться в способностях, но, право, дороже стою моего звания¹².

Тут упреки Грибоедова не совсем справедливы. Ермолов вполне оценил его способности и делал все возможное, чтобы его усилия на служебном поприще не остались незамеченными. В декабре 1820 года он писал в Министерство иностранных дел: «Октября от 18-го числа прошедшего года делал я представление мое графу К. В. Нессельроде (министру иностранных дел России. — Н. М.) об исходатайствовании награждения чинами служащих при миссии в Персии: секретаря т. с. (титularного советника. — Н. М.) Грибоедова, переводчика по армии Беглярова... Повторил представление мое сего года, мая от 4-го дня, но ни на то, ни на другое не имею ответа и не знаю причины, по коей справедливо испрашиваемая трудящимся награда отказывается... ибо не делаю я таковых иначе, как о ревностно служащих и достойных, и не умею быть равнодушным, когда начальство их не уважает»¹³.

Менее года спустя в новом обращении к Нессельроде, ходатайствуя о производстве «в следующий чин секретаря персидской миссии Грибоедова, способности которого весьма полезны службе», Ермолов писал: «...если прочие удостоились награды, то, ваше сиятельство, как начальник их, смею уверить, что сей несравненно более имеет на то право. Он знает хорошо и в правилах персидского языка. Кроме заслуг его одно пребывание между персиянами столь долгое время может уже обратить на него внимание...»¹⁴

¹¹ Там же. С. 137.

¹² Попова О. И. Грибоедов-дипломат. — М.: Международные отношения, 1964. С. 26–27.

¹³ Письма Грибоедова А. И. Рыхлевскому. Публикация О. Поповой // Литературное наследство. Т. 47–48. — М., 1946. С. 227.

¹⁴ Там же. С. 228.

Впрочем, подобная настойчивость Ермолова, учитывая его натянутые отношения с ведомством Нессельроде, могла привести только к обратному результату и скорее мешала служебному продвижению Грибоедова, чем способствовала ему.

Из опостылевшего Тавриза, где находилась резиденция Аббас-Мирзы, старшего сына и наследника персидского шаха, Грибоедов мечтал выбраться на несколько дней хотя бы в Тифлис. Но и такие поездки давались непросто. Во время подобного путешествия в ноябре 1821 года поэт сломал руку в двух местах. Нет худа без добра: тяжелое увечье подало повод к перемене службы, и Ермолов согласился взять его к себе секретарем по иностранной части, о чем особым посланием от 12 января 1822 года уведомил графа Нессельроде:

Секретарь миссии нашей при тегеранском дворе, титулярный советник Грибоедов, на пути от Тавриза сюда, имел несчастье переломить, в двух местах, руку и, не найдши нужных в дороге пособий, должен был, по необходимости, обратиться к первому, который мог дать ему помощь, и от того произошло, что, по прибытии в Тифлис, надлежало ему худо справленную руку переломить в другой раз. До сего времени почти не владеа оноу, не может он обойтись без искусного врачевания и, сих средств будучи совершенно лишенным в Персии, никак не может он туда отправиться. С сожалением должен я удалить его от занимаемого им места, но, зная отличные способности молодого сего человека и желая воспользоваться приобретенными им в знании персидского языка успехами, я просить ваше сиятельство покорнейше честь имею определить его при мне секретарем по иностранной части, ибо по оной не состоит при мне ни одного чиновника и без такового, в продолжение столько времени, не без труда я обходился. Во-первых, пользование находящимися здесь минеральными водами возвратит ему здоровье и он, при склонности его к изучению восточных языков, начав уже заниматься арабским языком, как основанием всех прочих, имеет здесь все средство усовершенствовать свои познания; во-вторых, и что почитаю я главнейшим предметом, со временем ваше сиятельство можете препоручить ему заведение школы восточных языков, на что не шадите вы ни попечения, ним издержек, но, по необходимости, должны заимствоваться сведениями иноземцев, и что беспрекословно полезнее верить природным. Не смею я испрашивать большего жалования Грибоедову, как 200 червонцев, и хотя лишается он двух третей того, что получал доселе, но к сему побужден я сравнением с прочими, при мне служащими, чиновниками¹⁵.

В феврале 1822 года Грибоедов перешел на службу к Ермолову, а еще через год, в начале марта 1823, испросив у главнокомандующего длительный отпуск, поэт отправился в Россию. В Москве, проживая в доме Бегичева, рассказывал старому другу много интересного о своей жизни на Востоке, а в том числе и о Ермолове, но память Бегичева этих подробностей, к сожалению, не сохранила, в его записках есть только упоминание об этих частых душевных беседах, главным героем которых становился именно Ермолов: «Много он рассказывал мне о дворе персидском, нравах и обычаях персиян, их религиозных сценических представлениях на площадях и проч., а также об Алексее Петровиче Ермолове и об экспедициях, в которых он с ним бывал. И как он был любезен и остер, когда бывал в веселом расположении!»¹⁶

В конце октября 1825 года Грибоедов, вернувшийся на Северный Кавказ после долгого отпуска, проведенного в основном в Петербурге, оказался в станице Екатериноградской, назначенной для сбора наших войск. Вскоре сюда же, на Кавказскую

¹⁵ Пиксанов Н. К. А. С. Грибоедов. Биографический очерк // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. — СПб., 1911. Т. I. С. XLII—XLIII.

¹⁶ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1980. С. 29.

линию, прибыл и Ермолов, намеревавшийся провести военную экспедицию в Чечне. «...Нынешний день у нас, линейских, богат происшествиями, — сообщал об этом Грибоедов в письме к А. А. Бестужеву, — сюда приехал Алексей Петрович; кругом меня свисты, висты, бредни, и проч.»¹⁷.

Ровно месяц в Екатериноградской Грибоедов провел, что называется, рука об руку с Ермоловым. К этому времени относятся два его письма с рассказом о подробностях тех дней и восторженными характеристиками, данными поэтом своему патрону.

Первое из них, от 27 ноября 1825 года, адресовано В. К. Кюхельбекеру: «Душа моя Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моем житье, покуда не народился новый месяц, а с ним и новые приключения: еще несколько дней и, кажется, пушусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, переедем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на север... Кстати о достоинстве: какой наш старик чудесный, невзирая на все о нем кривые толки; вот уже несколько дней как я пристал к нему в роде тени, но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучке я ему еще лучше узнал цену. Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в каком случае утратить не может»¹⁸.

Еще одно письмо, от 7 декабря, с такими же высокими оценками, направлено С. Н. Бегичеву: «Чтобы долше не иовничать, пускаюсь в Чечню, А. П. не хотел, но я сам ему навязался. — Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением... На щет А. П. объявляю тебе, что он умнее и своеобычнее, чем когда-либо. Удовольствие быть с ним покупаю смертельною скукою во время виста, уйти некуда, все стеснены в одной комнате; но потом за ужином и после до глубокой ночи разговорчив, оригинален и необыкновенно приятен. Нынче, с тех пор как мы вместе, я еще более дивлюсь его сложению телесному и нравственному. Беспреданно сидит и не знает почечуя, окружен глупцами и не глупеет...»¹⁹

В Екатериноградской было получено известие о кончине в Таганроге императора Александра, и затем, согласно доставленному фельдъегерем приказу, войска присягнули Константину. «Мы собирались всякий день к обеду у Алексея Александровича Вельяминова (прекраснейшего из смертных), — вспоминал впоследствии один из кавказских офицеров. — После гастрономического обеда Грибоедов читал нам по несколько явлений из только что конченного „Горя от ума“... Накануне отъезда нашего из Екатериноградской станицы, когда были кончены все дела с начальствующими лицами, вызванными туда Алексеем Петровичем, Грибоедов должен был ехать в Тифлис, но убедительно просил Алексея Петровича взять его в назначенный тогда поход. Алексей Петрович отговаривал его, но наконец как-то неохотно согласился»²⁰.

22 декабря походный штаб Ермолова, войска и обоз выдвинулись из Екатериноградской к станице Червленной, где вскоре с фельдъегерем был получен манифест о восшествии на престол императора Николая, и войска вновь были приведены к присяге. Движение отряда продолжилось к крепости Грозной. Сюда же вечером 22 января 1826 года из Петербурга прибыл фельдъегерь Уклонский с приказом об аресте Грибоедова — по подозрению в связях его с участниками декабрьского мятежа.

¹⁷ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. — Пг, 1917. С. 181.

¹⁸ Там же. С. 182—183.

¹⁹ Там же. С. 185—186.

²⁰ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1980. С. 115—116.

Уклонский вынул из сумки один тонкий конверт от начальника Главного штаба Дибича, — вспоминал очевидец событий Н. В. Шимановский. — Генерал разорвал конверт, бумага заключала в себе несколько строк, но когда он читал, Талызин (И. Д. Талызин, адъютант Ермолова. — *Н. М.*) прошел сзади кресел и поймал на глаз фамилию Грибоедова. Алексей Петрович, пробежавши быстро бумагу, положил в боковой карман сюртука и застегнулся. Потом он начал расспрашивать Уклонского о событиях в Петербурге. Очень толково и последовательно рассказывал Уклонский. Я не обратил внимания на Грибоедова, но Талызин мне после рассказывал, что он сделался бледен, как полотно... Я вышел, чтобы узнать, где наша квартира... В сенях встретил я Талызина, который отдавал приказание одному из ординарцев генерала, уряднику кавказского казачьего полка Рассветаеву, чтобы он скакал в обоз, отыскал арбу Грибоедова и Шимановского и чтобы гнал в крепость. Я спросил его по-французски: на что это? Талызин отвечал: «После скажу!»

Когда я возвратился к А. П. Ермолову, снявши полушубок, то Грибоедова не было в комнате. Он выходил куда-то, но скоро возвратился, был, по-видимому, покоен и слушал рассказы Уклонского, который назвал много арестованных. Приказано было подавать ужин, к которому генерал велел пригласить прибывшего перед тем дежурного по отряду артиллерии полковника Мищенко, приехавшего с донесением, что голова колонны прибыла и расположена бивуаком около крепости, а равно и фельдъегеря Уклонского. Походный ужин незатейлив: два блюда; стало быть, он недолго продолжался, но рассказы Уклонского заставили просидеть за столом лишнее время, а может быть, и нужно было продлить ужин и для других целей. Генерал после ужина сживал за столом всегда подолгу; тут бывали разные шутки, рассказы и анекдоты; но на сей раз ничего подобного не было, и когда мы встали и люди убрали посуду, то генерал, обратившись ко всем, сказал: «Господа, вы с походу, вероятно, спать хотите, то спокойной ночи!» Все стали расходиться.

Под квартиру нам отведена была одна большая комната, но без всякой мебели; нам послано было на полу, и, чтобы удержать подушки, наши переметные чемоданы были приставлены к головам. Так было и у постели Грибоедова... Грибоедов не раздевался. Вдруг отворяются двери, и является дежурный по отряду полковник Мищенко, но уже в сюртуке и шарфе, точно так и дежурный штаб-офицер Талызин, а за ними фельдъегерь Уклонский. Мищенко подошел к Грибоедову и сказал ему: «Александр Сергеевич, воля государя императора, чтобы вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?» Грибоедов весьма покойно показал ему на переметные чемоданы, стоявшие в голове нашей постели. Потасили чемоданы на середину комнаты. Начали перебирать белье и платье и, наконец, в одном чемодане на дне нашли довольно толстую тетрадь. Это было «Горе от ума». Мищенко спросил, нет ли еще каких бумаг. Грибоедов отвечал, что больше у него бумаг нет и что все его имущество заключается в этих чемоданах. Переметные чемоданы перевязали веревками и наложили печати Мищенко, Талызин и Уклонский, у которого оказалась при часах сердоликовая печать. Потом полковник Мищенко сказал Грибоедову, чтобы он пожаловал за ним. Его перевели в другой офицерский домик, где уже были поставлены часовые у каждого окна и у двери...

Наутро мы проводили Грибоедова до кургана. Прощаясь, он повторял нам: «Пожалуйста, не сокрушайтесь, я скоро с вами увижусь». Так и было: он приехал назад в Тифлис из Петербурга в начале сентября этого же года.

Тут нужно возвратиться к арбе с нашими вещами. Урядник Рассветаев ловко исполнил возложенное на него поручение. Он отыскал арбу, вывел ее из колонны и заставил быков скакать, так что очень скоро прибыли наши люди к назначенному нам флигелю. Тут встретило наших людей приказание елико возможно скорее сжечь все бумаги Грибоедова, оставив лишь толстую тетрадь — «Горе от ума»...

Так свершилось это важное для Грибоедова событие, и потому-то он нам на прощание с такой уверенностью говорил: «Я к вам возвращусь». Сего, конечно, не слу-

чилось бы, если бы бумаги его уцелели. Да это дело прошлое; но нужно бы Грибоедову это помнить и быть благодарным. Но не так вышло, а совершенно противное²¹.

Остается привести тексты официальных документов. В отношении военного министра А. И. Татищева от 2 января 1826 года, направленном командиру Отдельного Кавказского корпуса Ермолову, действительно содержалось всего «несколько строк» и сообщалось следующее: «По воле государя императора покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург прямо к его императорскому величеству»²².

23 января 1826 года Грибоедов покинул крепость Грозную. Его сопровождал фельдъегерь, с которым Ермолов отправил письмо начальнику Главного штаба Дибичу: «Господин военный министр сообщил мне высочайшую государя императора волю взять под арест служащего при мне коллежского асессора Грибоедова и под присмотром прислать в Петербург прямо к его императорскому величеству. Исполнив сие, я имею честь препроводить господина Грибоедова к вашему превосходительству. Он взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются. Если же бы впоследствии могли быть отысканы оные, я все таковые доставлю. В заключение имею честь сообщить вашему превосходительству, что господин Грибоедов во время служения его в миссии нашей при персидском дворе и потом при мне как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие хорошие весьма качества»²³.

Предоставив уничтожить опасные бумаги, Ермолов благородно поступил по отношению к Грибоедову. Отметим, однако, и мнение, что «давая такую возможность, Ермолов, по всей вероятности, заботился не только о нем, но и о себе»²⁴. Это справедливо. Но так или иначе, рука помощи, протянутая поистине в роковую минуту жизни, позволила поэту избежать многих серьезных неприятностей, так как в его личном архиве могли храниться письма К. Ф. Рыльева, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера или А. И. Одоевского, замешанных в заговоре и к тому времени уже пребывавших в казематах Петропавловской крепости.

Приведем еще один любопытный документ, возникший в недрах жандармского ведомства и датируемый октябрём 1826 года. Это записка, принадлежащая перу М. Я. фон Фока, управляющего III отделением Собственной Его Величества канцелярии. Подобные отчеты регулярно составлялись по донесениям тайных агентов и через шефа жандармов и начальника Главного штаба доставлялись на стол императору Николаю. В данном случае речь идет как раз о характере взаимоотношений Ермолова и Грибоедова:

На Ермолова никто не имеет влияния, кроме его собственного самолюбия. Он некоторым своим любимцам позволяет говорить себе иногда правду и даже требует этого — но никогда не следует их советам. Чем умнее человек, находящийся при нем, тем он менее следует его влиянию, чтобы не сказали, что им управляют. Таким образом сбыл он с рук нынешнего бессарабского губернатора Тимковского, который утруждал его своими планами и советами. Более всех Ермолов любит Грибоедова за его необыкновенный ум, фанатическую честность, разнообразность познаний

²¹ Там же. С. 118–121.

²² Там же. С. 376.

²³ Там же. С. 377.

²⁴ Там же. С. 376.

и любезность в обращении. Но сам Грибоедов признавался... что Сардарь-Ермулу, как азиатцы называют Ермолова, упряма, как камень, и что ему невозможно вложить какую-нибудь идею. Он хочет, чтобы все происходило от него и чтобы окружающие его повиновались ему безусловно. Отчасти Ермолов и прав, ибо в отдаленном крае, который всегда на неприятельской ноге, будучи всегда окружен шпионами горных народов и владетелей азиатских областей, малейший вид, что кто-нибудь действует умом на Сардаря-Ермулу, унижит его в глазах азиатцев. Ермолов имеет необыкновенный дар привязывать к себе близких к нему людей, и привязывать безусловно, как рабов. Они знают слабости его и недостатки, но любят его... Офицеры и солдаты весьма любят Ермолова за весьма малые вещи: он позволяет солдатам на переходах и вне службы ходить в шароварах и широком платье, офицерам — в фуражках и кое-как; мало учит и восхищает своими *bons-mots* (остротами. — *Н. М.*). В нужде делится последним. Важная добродетель Ермолова, что он не корыстолюбив и не любит денег. Оттого статские чиновники не любят его и, хотя он не весьма бдительно истребляет лихоимство и злоупотребления, но зато, если откроет, беда! И его боятся, как огня... Известно, что Ермолова публика обвиняет в одном: зачем не знал о нападении персов, другие обвиняют в многом, но каждый человек имеет своих друзей и врагов; первые смотрят на ошибки в уменьшительное, другие — в увеличительное стекло. Средине есть истина²⁵.

Трудно удержаться от комплимента в адрес «голубых мундиров»: этот небольшой психологический трактат не только вполне объективен, но восходит до философских обобщений. В том, что касается отношений Ермолова и Грибоедова, тут никому не отдано предпочтений. Средине есть истина!

Выйти из-под следствия с «очистительным аттестатом» поэту помог всесильный граф И. Ф. Паскевич, любимец императора Николая, женатый на двоюродной сестре Грибоедова. Вскоре Паскевич сменил Ермолова на Кавказе, и при нем Грибоедов достиг своей дипломатической вершины: он оформил Туркманчайский мирный договор с Персией, то есть документально закрепил то, чего фельдмаршал добился силой оружия.

Предсказание же Грибоедова о возможной ссоре с Ермоловым действительно по прошествии некоторого времени вполне оправдалось, и не более чем через год в письме из Тифлиса от 9 декабря 1826 года к С. Н. Бегичеву поэт сообщал: «Милый друг мой! Плохое мое житье здесь. На войну не попал: потому что и А. П. туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят. С А. П. у меня род прохлаждения прежней дружбы. Денис Васильевич (Д. В. Давыдов. — *Н. М.*) этого не знает; я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек прошедшего века. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком уважал неприятеля, который этого не стоил. Вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная. Погодим и посмотрим»²⁶.

Слова о том, что «старик наш человек прошедшего века», означали, скорее всего, вовсе не минувшее XVIII столетие, а век Александра с его грандиозными битвами, в которые были вовлечены народы всей Европы и на полях которых блистал отвагой и воинским искусством молодой Ермолов. Век Николая требовал уже чего-то другого.

Наголову разбитые Кавказским корпусом персы запросили пощады. 10 февраля 1828 года в местечке Туркманчай был подписан мир. С почетной миссией — доставить императору текст договора — Паскевич отправил в Петербург именно Грибоедова.

²⁵ Там же. С. 288—289.

²⁶ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. — Пг, 1917. С. 195.

Грибоедов выехал из Туркманчая немедленно, — сообщает биограф поэта. — Он остановился проездом ненадолго в Москве, виделся с С. Н. Бегичевым, вероятно, с матерью, и «имел бестактность» явиться к опальному Ермолову. Старик принял его угрюмо, и свидание оставило в Грибоедове тяжелое чувство²⁷.

За разгром персов и Туркманчай заносчивый Паскевич получил титул графа и миллион рублей, Грибоедов — чин статского советника, орден Святой Анны 2-й степени с алмазами, серебряную медаль «За персидскую войну» и четыре тысячи червонцев, Ермолов — ничего, если не считать необыкновенно долгой и благодарной памяти кавказских войск.

Ермолов ушел, а Грибоедов остался. Остался с Паскевичем. Денис Давыдов счел это предательством и с горечью писал:

А. С. Грибоедов, знаменитый автор комедии «Горе от ума», служил в продолжение довольно долгого времени при А. П. Ермолове, который любил его, как сына. Оценивая литературные дарования Грибоедова, но находя в нем недостаток способностей для служебной деятельности или, вернее, слишком малое усердие и нелюбовь к служебным делам, Ермолов давал ему продолжительные отпуска, что, как известно, он не любил делать относительно чиновников, не лишенных дарований и рвения. Вскоре после события 14 декабря Ермолов получил высочайшее повеление арестовать Грибоедова и, захватив все его бумаги, доставить с курьером в Петербург; это повеление настигло Ермолова во время следования его с отрядом из Червленной в Грозную. Ермолов, желая спасти Грибоедова, дал ему время и возможность уничтожить многое, что могло более или менее подвергнуть его беде. Грибоедов, предупрежденный обо всем адъютантом Ермолова Талызиным, сжег все бумаги подозрительного содержания. Спустя несколько часов послан был в его квартиру полковник Мищенко для произведения обыска и арестования Грибоедова, но он, исполняя второе, нашел лишь груды золы, свидетельствующую о том, что Грибоедов принял все необходимые для своего спасения меры. Ермолов простер свою, можно сказать, отеческую заботливость о Грибоедове до того, что ходатайствовал о нем у военного министра Татищева.

После непродолжительного содержания в Петербурге, в Главном штабе, Грибоедов был выпущен, награжден чином и вновь прислан на Кавказ. С этого времени в Грибоедове, которого мы до того времени любили как острого, благородного и талантливового товарища, совершилась неимоверная перемена. Заглушая в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя. Не довольствуясь сочинением приказов и частных писем для Паскевича (о чем я имею самые неопровержимые доказательства), он слишком кротко сблизился с Ванькой-каинном, то есть Каргановым, который сочинял самые подлые доносы на Ермолова. Паскевич, в глазах которого Грибоедов обнаруживал много столь недостохвального усердия, ходатайствовал о нем у государя. Грустно было нам всем разочаровываться насчет этого даровитого писателя и отлично острого человека, который вскоре после приезда Паскевича в Грузию сказал мне и Шимановскому следующие слова: «Как вы хотите, чтобы этот дурак, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благонамереннейших людей в России; верьте, что *наш* его проведет, и Паскевич, приехавший еще впопыхах, уедет отсюда со срамом». Вскоре после того он говорил многим из нас: «Паскевич — несносный дурак, одаренный лишь хитростью, свойственно хохлам; он не имеет ни сведений, ни сочувствия ко

²⁷ Пиксанов Н. К. А. С. Грибоедов. Биографический очерк // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. — СПб., 1911. Т. I. С. LXXX.

всему прекрасному и возвышенному, но вследствие успехов, на которые он не имел никакого права рассчитывать, будучи обязан ими превосходным ермоловским войскам и искусным и отважным Вельяминову и Мадатову, он скоро лишится и мало-рассудка своего».

Но в то же самое время Грибоедов, терзаемый, по-видимому, бесом честолюбия, изощрял ум и способности свои для того, чтобы более и более заслужить расположение Паскевича, который был ему двоюродным братом по жене. Дружба его с презренным Ванькою-каинном, который убедил Паскевича, что Ермолов хочет отравить его, подавала повод к большим подозрениям. В справедливом внимании за все достохвальные труды, подъятые на пользу и славу Паскевича, Грибоедову было поручено доставить государю Туркманчайский договор. Проезжая чрез Москву, он сказал приятелю своему Степану Никитичу Бегичеву: «Я вечный злодей Ермолову». По ходатайству Паскевича Грибоедов был, согласно его желанию, назначен посланником в Тегеран, где он погиб жертвою своей неосторожности...²⁸

Как видим, неугомонный партизан высказал все, что накопело в душе, и, может быть, высказал преувеличенно и слишком обидно. Ответить на эти обвинения Грибоедов уже не мог.

Ермолов знаменитую комедию «Горе от ума» находил скучной (Пушкину сказал, что от стихов Грибоедова «скулы болят») и до конца дней хранил к ее автору неприязненное отношение. В письме к Давыдову, рассказывая об орловском визите Пушкина, Ермолов привел ту же формулу: «Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомого Грибоеда, от *жевания* которых скулы болят»²⁹.

Мемуарист передает эпизод, когда негативная оценка Грибоедова, высказанная Ермоловым публично, тут же нашла столь же публичный отпор. При громадном авторитете Ермолова в московском обществе тех лет эту дерзость полагалось бы считать невероятной, если бы не личность его неожиданного оппонента. «Чаадаев пересказывал, — вспоминал современник, — будто Ермолов во дни своего величия, во дни командования на Кавказе и сношений с персидским правительством, был почему-то Грибоедовым недоволен, а потом позволил себе, уже после его умерщвления, клеветать на его нравственный характер. Будто бы в Москве, в разговоре, в довольно многолюдном обществе, он сказал, что „Грибоедов был человек черный“, и тут же был Чаадаевым остановлен словами: „Кто же этому поверит, Алексей Петрович?“ Если это правда, кто помнит личность Ермолова, конечно, ни на минуту не усомнится, что такого противоречия Ермолов Чаадаеву никогда не простил...»³⁰

В. К. Кюхельбекер: «Врагу трепещущих льстецов...»

Предлагая своему лицейскому другу поговорить о «бурных днях Кавказа», Пушкин прекрасно представлял, какой живой отклик эти слова найдут в его душе. На Кавказе Вильгельм Карлович Кюхельбекер пробыл недолго, но впечатления этой поры навсегда врезались в его память. Он прослужил в тифлисской канцелярии Ермолова лишь несколько месяцев, но до конца своих дней причислял себя к когорте избранных — «ермоловцев».

Предыстория событий такова. На высылку Пушкина из Петербурга в 1820 году Кюхельбекер отозвался большим стихотворением «Поэты», что было, по сути, политическим вызовом властям. Следом за Пушкиным могли выслать и самого Кюхель-

²⁸ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1980. С. 152—154.

²⁹ Пушкин. Письма. Т. II. — М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 343.

³⁰ Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. — М.: Изд. Московского университета, 1989. С. 58.

бекера, и он счел за лучшее принять приглашение богача А. Л. Нарышкина и в качестве секретаря сопровождал его в заграничной поездке. Вильгельм побывал в Германии, Италии и Франции, встречался с Гёте, в Париже принялся читать лекции, но их запретила полиция. После разрыва с Нарышкиным вернулся в Петербург, и тут друзья помогли ему укатить за тридевять земель, с царских глаз долой. А. И. Тургенев 30 августа 1821 года сообщал по этому поводу П. А. Вяземскому: «О Кюхельбекере просил Ермолова, и он обещал мне принять его к себе». И еще через несколько дней: «Кюхельбекер едет сегодня или завтра с Ермоловым. Мы устроили его дело. Государь знал все о нем; полагал его в Греции и согласился определить его к Ермолову. Я этому душевно рад и еду благодарить Ермолова»³¹.

Осенью 1821 года Кюхельбекер отправился в дальний путь. По-видимому, он испытывал еще большую благодарность к «проконсулу Кавказа», так как посвятил ему стихотворное послание. Об этом стихотворении, озаглавленном «Ермолову», в письме к брату Льву от 4 сентября 1822 года похвально отозвался Пушкин и назвал его одой. Вот несколько строк оттуда:

Да смолкнет же передо мною
Толпа завистливых глупцов,
Когда я своему герою,
Врагу трепещущих льстецов,
Свою настрою громко лиру
И расскажу об нем внимающему миру!

Он гордо презрел клевету,
Он возвратил меня отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу...

В стихотворении содержится лестное, хотя и косвенное уподобление Ермолова великому Суворову. К тому же автор искренне верит, что, воспев «своего героя», дарит ему тем самым бессмертие. Поэт не сомневается в благородстве и справедливости генерала, олицетворявшего в это время верховную власть на Кавказе. «Мои занятия здесь еще собственно не начались, — сообщал он в ноябре 1821 года в письме В. А. Туманскому, — однако же случалось мне уже переписывать некоторые бумаги, от которых волос дыбом: тот продает людей, как скотов, поодиночке, отводит им жилье в погребях, заковывает в железа; та засекает двенадцатилетнюю девочку, — спасибо Алексею Петровичу, он приберет их к рукам»³².

Посвятить Ермолову «все мгновенья жизни» Кюхельбекер не успел: в Грузии он пробыл недолго, не более полугода, считая свою службу здесь чем-то вроде ссылки. Надеялся, как сам пишет, «быть посланным секретарем при посольстве в Персию», но вскоре вынужден был подать прошение об увольнении «по причине болезненных припадков». Суть дела заключалась в другом: в столкновении с мелким чиновником Н. Н. Похвисневым (дальним родственником Ермолова), которого раздражительный и вспыльчивый Кюхельбекер ударил по лицу.

Конфликт закончился дуэлью, подробности ее остались неизвестны. Прояснить, хотя бы частично, этот драматический эпизод в жизни Вильгельма помогают дневни-

³¹ Тьянянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. — Л.: Советский писатель, 1939. Т. I. С. XXVI—XXVII.

³² Василий Иванович Туманский. Из его бумаг // Русская старина. 1890. Т. LXVII. Август. С. 383.

ковые записи Н. Н. Муравьева, сделанные в апреле 1822 года: «Я ходил ввечеру в собрание и узнал там от Грибоедова происшествие, недавно случившееся между Кюхельбекером и Похвисневым. На днях они поссорились у Алексея Петровича, и как Похвиснев не соглашался выйти с ним на поединок, то он ему дал две пощечины. Алексей Петрович, узнавши о сем, очень сердился, сказав, что Кюхельбекера непременно отправит отсюда в Россию, а между тем велел, чтобы они подрались... Грибоедов причиною всего, и Кюхельбекер действовал по его советам... Кюхельбекер стрелялся с Похвисневым; один дал промах, у другого пистолет осекся, и тем дело кончилось»³³.

По другим сведениям, во время поединка Вильгельм получил пулю в левое плечо, о чем много позже он упомянул в официальном письме шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу.

Дневник Муравьева таит одну загадку. Со слов Петра Николаевича Ермолова (двоюродного брата А. П. Ермолова) он сделал короткую запись о том, что «Алексей Петрович имеет тайное приказание известить Кюхельбекера; невзирая на то, кажется, что слабость его допустит последнего до того же состояния, в котором он прежде был принят у него в доме»³⁴.

Подтвердить или опровергнуть эти слова нечем. Если же допустить, что такое «тайное приказание» действительно было отдано, то выбор исполнителя для него оказался предельно неудачным: Ермолов никогда не унижал себя исполнением жандармских функций. Прогноз же Муравьева о «слабости» генерала, то есть о его человеколюбии, тоже не вполне оправдался. За свою дерзость Кюхельбекер прощен не был и вынужден был отправиться с Кавказа восвояси, однако и зла на него Ермолов, как увидим, долго в душе не держал.

29 апреля 1822 года Ермолов направил рапорт в Правительствующий Сенат о том, что Кюхельбекер, «не прослужив положенного годового термина, уволен от продолжения здесь службы по болезненным припадкам». Тогда же поэту был выдан и увольнительный аттестат, где обычная в таких случаях формула «и исполнял даваемые ему поручения с усердием при похвальном поведении» была зачеркнута и заменена другой: «но по краткости времени его здесь пребывания мало употребляем был в должность и потому собственно по делам службы способности его неизвестны»³⁵. Подобная аттестация практически лишала Кюхельбекера возможности вновь поступить на государственную службу.

Некоторые подробности кавказской одиссеи поэта известны по воспоминаниям литератора и издателя М. А. Максимовича: «Вообще Кюхельбекер был очень взбалмошный. Будучи за границей, он читал лекции в Париже, и после второй выслан в Россию. Император Александр хотел его куда-то услатить, но Ермолов испросил его себе. Государь долго не соглашался, но, наконец, послал Кюхельбекера на Кавказ, приказав написать, что Ермолов недолго с ним уживется. И точно, не прошло двух, трех месяцев, как Ермолов принужден был выслать его за драки и поединки; но, высылая, приказал дать ему кошелек с червонцами на дорогу, который получил тот на первой станции. Узнавши от кого, он не принял золота. В „Мнемозине“, изданной им с князем В. Ф. Одоевским, есть стихи его против Ермолова от имени поэта, хотя и без надписи на кого»³⁶.

Весной 1822 года «безотрадный странник» проделал обратный маршрут на север, в Москву. В альманахе «Мнемозина» в 1824 году действительно было помещено сти-

³³ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1980. С. 51.

³⁴ Там же.

³⁵ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. XXX.

³⁶ Русская старина. 1888. Т. LX. Ноябрь. С. 414.

хотворение «Проклятие» за подписью Кюхельбекера, исполненное гнева и обиды на не названного по имени «злодея», «тирана» и «изверга».

Характерно, что стихотворение датируется 1822 годом. Прежние преувеличенные восторги сменяются теперь у пылкого автора такими же несоразмерными по поводу проклятиями. В стихотворном послании «К Пушкину», написанном в апреле того же года, Вильгельм горько жалуется на судьбу, называет себя изгнанником и сравнивает с героем «Кавказского пленника».

Поздние отголоски тифлисского происшествия докатились и до столичных литературных кругов. В начале октября 1823 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Кюхельбекеру хотелось бы переселиться в Одессу к Воронцову. Статочное ли это дело, как думаешь? С Ермоловым расстался он не по политическим причинам, а за пощечину, которую он дал племяннику Ермолова в ответ на его грубость. Они после дрались. Сначала была у него размолвка с Ермоловым; но в этом деле виноват был не Кюхельбекер, и сам генерал сделал первые шаги к мировой. Я это все знаю... от Грибоедова, преданного Ермолову и, следовательно, свидетеля надежного...»³⁷

Дальнейшая судьба Кюхельбекера горячо волновала и Грибоедова. Друзья встретились вновь уже в Петербурге: первый перебрался туда из Москвы, а второй приехал с Кавказа в отпуск. В письме к Бегичеву от 18 мая 1825 года Грибоедов сообщал, что ему удалось помирить неугомонного Вильгельма со Львом Пушкиным, пустячная ссора которых едва не привела к дуэли. И там же высказал надежду по поводу Кюхельбекера, что, «кажется, удастся определить его к казенному месту»³⁸. Причем выразился, как видим, не совсем удачно: «казенный дом» в русской речи означает тюрьму, а Грибоедов имел в виду всего лишь государственную службу. Невольное это прощество исполнилось слишком скоро.

Из Петербурга Грибоедов отправился на Кавказ, и друзья расстались теперь навсегда. Автора «Горя» уже, по-видимому, тяготили недобрые предчувствия, и все, связанное с Кюхельбекером, болезненно отдавалось в его душе. Да и на Кавказ возвращался он с тяжелым сердцем. По дороге, из Крыма, сообщал Бегичеву: «Адрес мой в главную квартиру генерала Ермолова. Отчего я туда пускаюсь, что-то скрепя сердце. Увидишь, что мне там несдобровать, надо мною носятся какие-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, те, которые его отовсюду выживали...»³⁹

По прибытии же на линию оказалось, что дела вовсе не так плохи, и довольный Грибоедов писал 27 ноября 1825 года из станицы Екатериноградской Кюхельбекеру в Петербург, пытаясь посылно сгладить резкий и неприятный отпечаток, оставшийся в душе Вильгельма после Кавказа: «Еще несколько дней и, кажется, пушусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на север. Здесь многие, или лучше сказать, все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-й, Цебриков, Талызин, Устимович, Павлов etc., etc., и даже старик наш, несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с большим участием»⁴⁰.

Наш старик — это, разумеется, Ермолов. Строчкой ниже Грибоедов добавляет: «Атестат вышлетя к тебе на днях», и, вероятно, речь здесь идет о том, что давно остывший Ермолов, и что еще вероятнее, уступая просьбам Грибоедова, распорядился подготовить для Кюхельбекера новую, более благоприятную бумагу о его службе на Кавказе. Правда, учитывая дату письма, можно уверенно судить, что никакая вообще бумага ни с какой безупречной характеристикой спасти Вильгельма уже не могла.

³⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1980. С. 354.

³⁸ Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. — Пг, 1917. С. 173.

³⁹ Там же. С. 178.

⁴⁰ Там же. С. 182—183.

В Петербурге Кюхельбекер был принят Рылевым в Северное общество. В день восстания 14 декабря он появился на Сенатской площади с пистолетом и палашом, стрелял в великого князя Михаила и генерала Воинова, но оба раза дал промах. После разгрома мятежа переоделся в платье дворового человека, бежал, сумел добраться до Варшавы, но там был опознан и схвачен. После десяти лет одиночного заключения был отправлен на вечное поселение в Сибирь, где и окончил свои дни.

Стихотворение «Ермолову» впервые появилось в печати только в 1902 году.

А. С. Пушкин: «Ваша слава принадлежит России»

Лето 1820 года Пушкин провел на кавказских водах. Благодетельным спутником его в этой поездке был прославленный генерал Н. Н. Раевский — друг и соратник Ермолова. Александр, старший сын Раевского, служил в это время адъютантом «проконсула Кавказа». Под сенью Машука и Бештау, вблизи глухих кавказских ущелий, где властвовал «воинственный разбой», у Пушкина возник замысел его первой «южной» поэмы, вскоре получившей название «Кавказский пленник».

Под пушкинским пером Кавказ из геополитической абстракции быстро превращался в обетованную землю русской поэзии — «ужасный край чудес», пугающий и прекрасный одновременно. Первый биограф поэта П. И. Бартенев передавал со слов Марии Раевской, что жизнь на Кавказе — «вольная, заманчивая и совсем не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом и кругом причудливые картины гор, новые, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горских черкесов, а в нескольких часах пути упорная, жестокая война с громким именем Ермолова, — все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину»⁴¹.

Ермолов надолго попал в круг творческого внимания поэта. Сообщая в письме к брату Льву о своей жизни на юге, он упомянул и прославленного генерала. И хотя в этих строках не обнаруживается еще поэтических намерений, но контекст, окружающий имя «проконсула», весьма многозначителен: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благодетельным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею...»⁴²

Комментируя строки пушкинского письма, Бартенев замечает: «В этих словах так и отзываются разговоры в обществе Раевских о Кавказе, о тамошней войне и об ее значении для России. Посольство Ермолова в Персию было еще в свежей памяти. От генерала Раевского Пушкин, конечно, наслушался рассказов о подвигах Цицианова, Котляревского и Ермолова, тогдашнего главнокомандующего кавказских войск. Последний приходился родственником Раевскому и был его товарищем по службе. Всех троих Пушкин упомянул впоследствии в Эпиглоге к *Кавказскому Пленнику*»⁴³.

Пылкое воображение влечет поэта гораздо дальше «знойной границы Азии», и если здесь еще не говорится прямо, что успехи «в будущих войнах» для него связаны прежде всего с Ермоловым, то очень скоро в эпиглоге «Кавказского пленника» Пушкин именно ему предречет роль покорителя Кавказа:

⁴¹ Бартенев П. И. Пушкин в Южной России // Русский архив. 1866. Ст. 1104.

⁴² Пушкин. Письма. Т. I. — М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 12.

⁴³ Бартенев П. И. Указ. соч. Ст. 1107.

Но се — Восток подъямет вой!..
 Поникни снежною главой,
 Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
 И смолкнул ярый крик войны:
 Все русскому мечу подвластно...

Близкий друг Пушкина Петр Вяземский ставил в вину поэту то, что, упомянув в эпилоге «Кавказского пленника» имена Котляревского и Ермолова, тот «окровавил последние стихи своей повести». Взгляд Вяземского на кавказские события резко отличался от восторженных, панегирических строк пушкинского эпилога. «Что за герой Котляревский, Ермолов? — риторически вопрошал он в одном из писем. — Что тут хорошего, что он *Как черная зараза губил, ничтожил племена?* От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия — не союзница палат: политике они могут быть нужны, — и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни. Мне досадно на Пушкина: такой восторг — настоящий анахронизм»⁴⁴.

Поздняя критика пыталась сгладить этот упрек: воспевая покорителей Кавказа, Пушкин якобы лукавил, и «эпилог „Кавказского пленника“ был написан с дипломатическим расчетом — подействовать на власти и подготовить возможность возвращения из ссылки»⁴⁵. Но едва ли Пушкин заслуживает подобных упреков, едва ли нуждается и в оправданиях. Истекшее время показало, что его «Кавказский пленник» — это гениально начертанный пролог к трудной и горькой теме, продолжением которой явились «Валерик» Лермонтова и кавказские рассказы Льва Толстого.

Предсказание поэта не оправдалось. Когда он девять лет спустя предпринял новую поездку на юг, то Ермолов был уже не у дел, в опале, а Кавказ все еще оставался неусмирленным. Здесь начинало разгораться жаркое пламя газавата. Но писать о Кавказе и обойтись без Ермолова было невозможно. «Кончилась ли у вас война? — спрашивал Пушкин в письме у брата, служившего тогда в Тифлисе. — Видел ли ты Ермолова и каково вам после него?»⁴⁶ Личная встреча Пушкина с Ермоловым произошла в начале мая 1829 года, когда поэт по дороге на Кавказ намеренно заехал в Орел, чтобы познакомиться с полководцем. Запись об этой встрече он занес в свой путевой дневник, с пометкой «15 мая. Георгиевск». Впоследствии эта запись была полностью использована Пушкиным в первой главе и на первой же странице «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года». Повествование, собственно, и начинается с упоминания о пребывающем в отставке генерале:

...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе.

⁴⁴ Эйхенбаум Б. От военной оды к «гусарской песне» // Давыдов Денис. Полное собрание стихотворений. — Л., 1933. С. 39.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — М.: Наука, 1966. Т. 10. С. 229.

Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, Писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался говорить он о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал». Я передал Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. «Можно было бы сберечь людей и издержки», — сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он не доволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он *con amore* (с увлечением. — Н. М.). Немцам досталось. «Лет через 50, — сказал он, — подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами». Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения — скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

Описывая встречу, Пушкин даже в деталях постарался подчеркнуть по-прежнему важную для него неразрывность двух тем — «Кавказ» и «Ермолов». Самый известный портрет Ермолова был выполнен английским художником Джорджем Доу для Военной галереи Зимнего дворца. Вариант этого портрета, где герой изображен на фоне кавказских гор, на его плечи накинута черкесская бурка, а левая рука опирается на восточную саблю, был весьма популярен благодаря гравюре, сделанной с него Теодором Райтом. Подобный же гравированный портрет Ермолова, с чеканным профилем и буркой на плече, выполнил Иван Пожалостин.

Первые предпринятые Пушкиным публикации «Путешествия» (в «Литературной газете» в 1830 году под названием «Военная Грузинская дорога» и в 1836 году в журнале «Современник») не содержали этого отрывка, исключенного по цензурным обстоятельствам. Впервые он был напечатан в «Полярной звезде» за 1861 год А. И. Герцена и Н. П. Огарева, а в России — в «Русском архиве» в 1863 году.

По дороге в Грузию Пушкин сделал своего рода лирическое отступление: посетил тот уголок Кавказа, где когда-то провел летние дни с семьей Раевских. Как отмечал поэт в путевом дневнике, он «решился пожертвовать одним днем и из Георгиевска отправился в телеге к Горячим водам». На этот раз поэт провел в Пятигорске всего лишь несколько часов и нашел на водах «большую перемену», которой молодой курорт был обязан именно Ермолову, прекрасно понимавшему значение этой лечебной базы для войск Отдельного Кавказского корпуса. В стихотворении, написанном здесь еще в 1820 году, Пушкин отметил присутствие на водах и «юных ратников на ранних костылях». Когда в 1826 году в городе началось строительство каменного здания Николаевских ванн, то под фундамент была заложена плита с высеченным на ней именем Ермолова. В Пятигорске и по сей день одно из лучших ваннх зданий носит название Ермоловских.

Именно «проконсул Кавказа» положил начало продуманному и планомерному устройству курортной местности. «Из Георгиевска я заехал на Горячие воды, — читаем в первой главе „Путешествия в Арзрум“. — Здесь нашел я большую перемену... Нын-

че выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость... Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния...»

Побывав на Горячих водах в 1829 году, Пушкин стал вынашивать замысел кавказского романа. В сентябре 1831 года он набросал отрывок, представляющий собой начальные страницы крупного, как можно судить, произведения в прозе, рисующие сборы московской барыни и ее дочери на Кавказ. Представление о дальнейшем развитии действия можно получить из многочисленных планов, составленных Пушкиным. Как прежде поэма «Кавказский пленник», так и новый прозаический сюжет разворачивается на Горячих водах. Героиня получает имя Алины, сюжетные ходы тут постоянно варьируются, но общее направление, хотя бы приблизительно, понять можно. Основная интрига строится на противоборстве двух главных героев — бретера и картежника Якубовича и раненого кавказского офицера Гранева, недавно побывавшего в плену у горцев. Оба противника, чем-то напоминающие будущих Швабрина и Гринева из «Капитанской дочки», добиваются любви Алины. Якубович с помощью знакомого узденя подстраивает нападение черкесов на воды и похищает Алину, увезя ее в аул. Гранев спасает ее. Их соперничество завершается дуэлью, а в одном из вариантов — и смертью Якубовича. Все события, так или иначе, связаны с курортной жизнью на водах. Здесь и больные, жаждущие исцеления; и лекаря; и калмыцкие кибитки, в которых приезжие обитали за недостатком жилья. Некоторые из персонажей — офицеры Кавказского корпуса. Замысел кавказского романа остался неосуществленным. С большой долей вероятности можно предположить, что на его страницах прозвучало бы и имя Ермолова, как это случилось десять лет спустя на страницах лермонтовского «Героя».

Пушкин еще долго, по-видимому, находился под впечатлением от встречи с Ермоловым. О нем поэт вспомнил еще раз, когда поднялся на высшую точку Военно-Грузинской дороги — Крестовый перевал. В дневнике он отметил самую выдающуюся деталь окружающего ландшафта: «Наконец увидели мы на самой вершине горы крест — памятник Петра, обновленный Ермоловым...» Но использовать столь удачно возникающий в этих простых словах грандиозный образ (крест — символ перехода главенствующей роли в покорении Кавказа от Петра к Ермолову) Пушкин не смог, так как царь Петр к перевальному кресту никакого отношения на самом деле не имел, и в окончательном варианте в тексте «Путешествия» поэт, исправив допущенную неточность, ограничился формулой, сохранившей только имя кавказского главкома: «Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым».

Переехав кавказские горы и находясь уже в Тифлисе, Пушкин набросал черновое письмо к Ф. И. Толстому (Американцу), в котором обрисовал свое положение. Мысли его по-прежнему полны Ермоловым:

Сейчас узнаю, что было здесь на мое имя письмо, полагаю, любезный граф, что от тебя. Крайне жалею, что оно уже отправлено в действующий отряд, куда еще я не так легко и не так скоро попаду, — делать нечего. Путешествие мое было довольно скучно. Начать, что, поехав на Орел, а не прямо на Воронеж, сделал я около 200 верст лишних, зато видел Ермолова. Хоть ты его не очень жалуешь, принужден я тебе сказать, что я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и чертах лица и в их выражении. Он был до крайности

мил. Дорога через Кавказ скверная и опасная — днем я тянулся шагом с конвоем пехоты и каждую дневку ночевал — зато видел Терек и Казбек, которые стоят Ермолова. Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича⁴⁷.

Тифлисское «прение» растянулось на несколько дней. Рассказывая на страницах «Путешествия» об этом времени, Пушкин вновь вспомнил имя генерала: «В Тифлисе пробыл я около двух недель, и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель Тифлиских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч.».

Свои впечатления о встрече с поэтом оставил и Ермолов. Они известны в передаче его двоюродного брата Дениса Давыдова, который в декабре того же 1829 года сообщил П. А. Вяземскому: «Кстати о Пушкине: он проездом в Грузию заезжал к Ермолову, который пишет мне: „Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения. Ему также, я полагаю, необыкновенным показался простой прием, к каковым жизнь в столице его верно не приучила“. В другом месте письма, хваля сочинения Пушкина, он говорит: „Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомого Грибоеда, от *жевания* которых скулы болят. К счастью моему, Пушкин, мне кажется, не написал ни одного экзаметра — род стиха, который может быть и хорош, *но в рот мой не умещается*“. Этому я очень смеялся...»⁴⁸.

Много лет спустя, отвечая на расспросы издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, Ермолов отметил, что принимал Пушкина «со всем должным ему уважением».

Эта встреча в Орле могла иметь и литературные последствия. Вполне вероятно, что Пушкин видел в Ермолове героя своих будущих произведений. Удовлетворив свои исторические интересы в созданных образах Петра и Пугачева, он искал возможности запечатлеть и современную ему личность исторического масштаба. В том, что поэт именно так подходил к оценке Ермолова, сомневаться не приходится: в его письмах дважды встречается весьма характерное в этом отношении (хотя и косвенное) сопоставление Ермолова с Наполеоном. Так или иначе, спустя несколько лет, в апреле 1833 года, Пушкин принялся составлять письмо к генералу. Беловик письма остался не известен, и в собраниях сочинений Пушкина оно публикуется в виде «сводки», то есть с учетом всех исправлений, сделанных поэтом, и с максимальным приближением к тому, что могло бы получиться у автора в окончательном варианте:

Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших Закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затмевает и заглушает все — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаясь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись вы славными воспоминаниями и ставили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения, и etc.⁴⁹.

⁴⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — М.: Наука, 1966. Т. 10. С. 260.

⁴⁸ Пушкин. Письма. Т. II. — М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 342—343.

⁴⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — М.: Наука, 1966. Т. 10. С. 430.

Письмо черновое и, стало быть, имеет обычные в таких случаях исправления, то есть зачеркнутые или перенесенные с места на место слова и фразы и новые слова, вписанные взамен. Иногда Пушкин начинал фразу, но бросал ее, так как предыдущий смысл его не устраивал. Мысль поэта, словно ручей по весне, преодолевая препятствия и загоры, пробивалась к конечному результату.

Суть письма понятна. Обращаясь к Ермолову, Пушкин выражал желание издать его записки, а если таковых не имеется — статью его историком. К тому же поэта заботит и восстановление исторической справедливости, ибо поход Наполеона затемняет ту славу, которая по достоинству должна достаться Ермолову.

При первом, беглом знакомстве с текстом письма может показаться, что речь в нем идет о вещах вполне очевидных: «поход Наполеона» — это нашествие французской армии в Россию в 1812 году, а «Закавказские подвиги» Ермолова относятся к периоду его управления Кавказом в 1816—1827 годах. Ираклий Андроников так, например, и понял смысл этих пушкинских выражений. В одной из своих статей он пишет по этому поводу следующее: «Интерес к личности Ермолова и его деятельности в Грузии побудил Пушкина обратиться к нему с письмом, в котором поэт изъявлял желание написать историю ермоловских войн на Кавказе или быть издателем его записок»⁵⁰.

Тут наш знаменитый лермонтовед ошибается или лукавит, ибо ни Кавказ вообще, ни любезная ему Грузия конкретно в письме Пушкина даже не упомянуты, речь там идет о Закавказье, по каким-то своим причинам Пушкин, обращаясь к генералу, предпочел выразиться именно так: «описание Ваших Закавказских подвигов». В период же своего правления Ермолов никаких войн в Закавказье не вел и, следовательно, никаких подвигов там не совершал.

Теперь о «походе Наполеона». В черновых набросках письма Пушкин упомянул в этой связи еще и «шум 12-го года», и «пожар Москвы», и «бегство Наполеона», но все это потом вычеркнул и оставил только два слова. Эта короткая формула — «поход Наполеона» — нам сегодня недостаточно ясна и требует некоторых комментариев. Если Пушкин имел здесь в виду вторжение 1812 года, то почему тогда он обращается к Ермолову как к очевидцу и участнику каких-то военных событий, которые «в то же самое время происходили на Востоке»? Ермолов находился тогда, то есть в 1812 году, вовсе не на Востоке, а пребывал в должности начальника штаба 1-й армии Барклая, сохранив эту должность и при назначении Кутузова, и от начала до конца проделал всю знаменитую кампанию, так что спрашивать его о каких-либо восточных делах было бы совершенно бессмысленно.

Очевидно, что речь в письме Пушкина идет о чем-то другом, и это другое большой тайны не составляет, ибо до своего назначения главнокомандующим в Грузию Ермолов побывал на Кавказе и в Закавказье один-единственный раз — участвуя в Персидском походе графа Зубова в 1796 году. Именно тогда его воинская доблесть (другими словами — подвиги) была отмечена Владимирским крестом. Блестящий Итальянский поход Наполеона, которым так восхищался Суворов, состоялся в том же 1796-м; вот он-то как раз все «затемняет и заглушает».

Упомянув имя Зубова в примечаниях к «Кавказскому пленнику», Пушкин в дальнейшем искал возможности восстановить подробности его стремительного броска на юг. Ермолов же мог сообщить о братьях Зубовых много интересного. С графом Валерианом он был знаком еще со времен польских событий, связанных с восстанием Тадеуша Костюшко. Вот что рассказывает об этом биограф полководца Александр Ермолов:

⁵⁰ Андроников Ираклий. Лермонтов. — М.: Советский писатель, 1951. С. 251.

Возникшие в 1794 году волнения в Польше, разразившиеся изменническим избиением русских в Варшаве и вызвавшие принятие со стороны русского правительства решительных репрессивных мер побудили А. П. хлопотать об отправлении его в Польшу. Он был назначен в число офицеров, посылаемых с отрядом Дерфельдена, с предписанием состоять при генерал-майоре графе Валериане Александровиче Зубове. Вскоре после того все отдельные отряды русских войск, находившиеся в Польше, поступили под начальство Суворова. В сентябре он прибыл к польской границе и направился к Варшаве; авангардом Дерфельдена командовал граф В. А. Зубов. При Кобылке должны были соединиться все отряды. Во время сбора русской армии у этого пункта А. П. получил в первый раз отдельную часть: ему было дано 6 орудий... Приняв А. П. весьма благосклонно, граф В. А. был с ним во время всего похода в самых приятельских отношениях и неоднократно в самых лестных выражениях отзывался о нем Дерфельдену; к тому же оба были молоды — Валериану Зубову было 23 года, Ермолову 18 (даже только 17) и оба жаждали военной славы⁵¹.

Пушкин, несомненно, относил Ермолова к числу «самых замечательных из наших государственных людей»⁵². В его письмах дважды встречается сопоставление Ермолова с Наполеоном: в черновом письме к самому генералу и в более раннем, от 24 сентября 1820 года, к брату Льву. Здесь, высоко оценив свершения Ермолова в вверенном ему крае, Пушкин спустя всего несколько строк замечает, что покоренный Кавказ «не будет нам преградой в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии». Позднее, пережив какое-то разочарование, Пушкин отказался от своих творческих намерений, связанных с образом Ермолова, и в дневниковой записи назвал его «великим шарлатаном» — как полагают, из-за склонности последнего к политическим интригам.

Добавим также, что в книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» утверждается, что «в декабре 1831, будучи в Петербурге, Ермолов виделся с Пушкиным и его молодой женой. Имеются сведения, что Пушкин подарил Ермолову одну из своих книг»⁵³. Первое вроде бы возможно и до некоторой степени подтверждается словами самого Ермолова в письме к его бывшему адъютанту Н. П. Воейкову из Петербурга от 21 декабря 1831 года: «Гончаровой-Пушкиной не может быть женщина прелестнее. Здесь многие находят ее несравненно лучше красавицы Завадовской. Я здесь на обедах у иностранцев и на балах, и представить себе можешь, как мне это весело!»⁵⁴ Однако в заметке «Разговор с А. П. Ермоловым» П. И. Бартенева, посетившего генерала в декабре 1854 года и осведомившегося о его встрече с Пушкиным в Орле, вполне определенно о дальнейшем сказано: «Больше они не видались»⁵⁵.

Что же касается предположения о подаренной книге, то это плод явного недоразумения. Тут автор опрометчиво полагается на слова В. В. Хлопова из его заметки «Вечер с А. П. Ермоловым», помещенной в майской книжке «Русской старины» за 1874 год: «При вспоминании об Алексее Петровиче и отношениях к нему русских поэтов, мне припомнилась надпись, сделанная Пушкиным на экземпляре присланных им Ермолову своих сочинений. К сожалению, я помню только последние два стиха:

Захочет — о себе, как Тацит, он напишет
И лихо летопись свою переплетет.

⁵¹ Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. 1777—1861. Биографический очерк. — СПб., 1912. С. 12—13.

⁵² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. Т. 12. — М.: Воскресенье, 1999. С. 330.

⁵³ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1988. С. 151.

⁵⁴ Русский архив. 1906. № 9. С. 40.

⁵⁵ Бартнев П. И. Разговор с А. П. Ермоловым // Русский архив. 1863. Ст. 859.

Автограф этого послания, без сомнения, находится в библиотеке Московского университета, куда, как известно, поступило собрание книг, принадлежавших А. П. Ермолову»⁵⁶.

Все вроде бы верно: и про университет, и про библиотеку, и про надпись на книге. Только сделал ее не Пушкин, а Жуковский — на собрании собственных сочинений, посланных в дар Ермолову.

М. Ю. Лермонтов: «Как при Ермолове ходили в Чечню, в Аварию, к горам...»

Лермонтов всегда питал к «проконсулу Кавказа» почтительное уважение. В то время когда он писал «Героя», Ермолов давно пребывал в опале, и появление его имени на первых же страницах романа могло выглядеть вызывающе. Тем не менее оно прозвучало здесь несколько раз. Дважды — в устах Максима Максимыча, благоговейно упомянувшего «Алексея Петровича», при котором он «получил два чина за дела против горцев». Бравый штабс-капитан, как старый кавказец, не имел нужды пояснять попутчику, о каком именно Алексее Петровиче идет речь, и автор, дабы не оставлять в неведении своих читателей, вынес фамилию полководца в отдельное примечание.

Подобная форма именованья своего командира по имени-отчеству служила у русских солдат выражением их безоговорочной преданности, даже обожания по отношению к нему. Интересное наблюдение по этому поводу содержится в записках испанского дворянина Хуана Ван-Галена, несколько месяцев прослужившего офицером Отдельного Кавказского корпуса: «Едва солдаты заметили его на ближней возвышенности, как тотчас имя Алексея Петровича с неподдельным восхищением стало передаваться из шеренги в шеренгу, и вскоре колонны были оповещены о приближении этого великого человека. У нас в Европе нет такого обыкновения и нет слов, которые способны были бы передать оценку воинских достоинств главнокомандующего, какая выражается русскими солдатами, когда они называют его крестильными именами без упоминания фамилии. Возвращаясь после Парижской кампании, Император Александр доверительно признался одному из своих адъютантов, что никогда не испытывал большего душевного удовлетворения, чем однажды ночью, когда услышал, как солдаты, недавние победители в Лейпцигской битве, называли его в разговоре между собой Александром Павловичем, вместо того чтобы титуловать, как положено, царем»⁵⁷.

Два чина, полученных при Ермолове, — это тоже выражение для посвященных, совершенно особый знак отличия, ибо кавказский главнокомандующий был предельно скуп на похвалы и награды. Второе, три страницы спустя, упоминание его имени нашим штабс-капитаном связано уже с другой чертой Ермолова — его чрезвычайной строгостью к нарушениям по службе. Отказ от любезно предложенного ему рома непьющий Максим Максимыч объясняет своему спутнику следующим образом: «Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт навеселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд...»

Насколько жесткой могла быть в подобном случае реакция Ермолова, открывают нам воспоминания Н. Н. Муравьева: «На первых днях прибытия Алексея Петровича к лагерю на Сундже чеченцы вырезали несколько донских казаков, стоявших на пи-

⁵⁶ Хлопов В. В. Вечер с А. П. Ермоловым // Русская старина. 1874. Т. X. С. 199–200.

⁵⁷ Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. — СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 358.

кете. С донскими казаками всегда такие вещи случаются, ибо нет войска оплошнее, ленивее, беспечнее и презрительнее их. Ермолов жестоко наказал остальных казаков плетьюми, потом выслал всех из кибитки, призвал к себе донского офицера, бывшего на посту. „Тебя плетьюми бить нельзя, — сказал он ему, — потому что ты офицер; так вот же тебе!“ Ермолов схватил его за чупрун одной рукой, а другой избил его по чем ни попало, потом сбил его с ног, потоптал и, выкинув из кибитки, кликнул адъютанта Лещенко, которому велел яму вырыть, дабы сего офицера живого в оную зарыть. Сысоев упросил Алексея Петровича, который бы верно сего не сделал, хотя уже и яму рыли. Офицера сего из службы за то выключили»⁵⁸.

Но вернемся к страницам романа. Здесь мы обнаружим еще и рассуждения автора по поводу ермоловского креста на Военно-Грузинской дороге. Более того, описывая Пятигорск в повести «Княжна Мери», Лермонтов из множества водных лечебниц предпочел упомянуть только Ермоловские ванны. Вот строки из журнала Печорина: «В одиннадцатый часов утра, — час, в который княгиня Лиговская обыкновенно потеет в Ермоловской ванне, — я шел мимо ее дома». Новенький, чистенький городок, каким мы видим Пятигорск в лермонтовском романе, многим обязан кавказскому главкому.

О прославленном полководце Лермонтов ностальгически вспомнил и в самом большом своем батальном стихотворении «Валерик»:

Вот разговор о старине
 В палатке ближней слышен мне;
 Как при Ермолове ходили
 В Чечню, в Аварию, к горам;
 Как там дрались, как мы их били,
 Как доставалось и нам...

Получив в начале 1841 года отпуск, поэт по дороге с Кавказа завез Ермолову частное письмо от его бывшего адъютанта П. Х. Граббе (в то время командовавшего войсками Кавказской линии). Вскоре по личным впечатлениям Лермонтов создает образ генерала — покорителя Кавказа в стихотворении «Спор»:

От Урала до Дуная,
 До большой реки,
 Колыхаясь и сверкая,
 Двигутся полки;
 Веют белые султаны,
 Как степной ковыль,
 Мчатся пестрые уланы,
 Подымая пыль;
 Боевые батальоны
 Тесно в ряд идут,
 Впереди несут знамены,
 В барабаны бьют;
 Батарей медным строем
 Скачут и гремят,
 И, дымясь как перед боем,
 Фитили горят.

⁵⁸ Записки Н. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 11. С. 327, 328.

И, испытанный трудами
 Бури боевой,
 Их ведет, грозя очами,
 Генерал седой.
 Идут все полки могучи,
 Шумны, как поток,
 Страшно-медленны, как тучи,
 Прямо на восток.

«Спор» — стихотворение странное. Лермонтов видит происходящее с какой-то очень высокой точки, несопоставимой даже с физической высотой спорящих Казбека и «Елбруса», буквально космической, охватывая взглядом чуть не полмира от Урала до Нила. Странность же его в том, что после пронзительных, щемящих, облитых кровью строк «Валерика» здесь тон у Лермонтова совсем другой: он если и не приветствует неотвратимого, «страшно-медленного», заораживающего движения неисчислимых русских полков на Кавказ, то, во всяком случае, не имеет сомнения ни относительно моральной оправданности этого нашествия, ни относительно его победоносного исхода. Ермолов здесь узнаваем, хотя и не назван по имени, но Ермолов или кто-то другой — разве у русских мало боевых генералов?

В очерке «Кавказец» Лермонтов также нашел повод упомянуть имя Ермолова. Речь здесь идет о кавказской бурке, «прославленной Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова». Замечание как будто не слишком весомое, но, как говорится, важен сам факт, а во-вторых, даже это беглое, как бы вскользь, упоминание носит принципиальный характер: бурка — несомненный предметный символ Кавказа, и на самом известном своем портрете Ермолов предстал перед современниками именно в бурке.

С именем Ермолова был связан и неосуществленный замысел Лермонтова — написать крупное произведение в прозе, составленное из двух или трех романов. В рецензии на второе издание «Героя нашего времени» (и, можно сказать, рецензии по-смертной, так как Белинский выписал для нее из «Одесского вестника» первое печатное сообщение о гибели Лермонтова в Пятигорске) критик передал, со слов самого поэта, намерение последнего написать три романа из русской жизни:

Лермонтов немного написал — бесконечно меньше того, сколько позволял ему его громадный талант. Беспечный характер, пылкая молодость, жадная впечатлений бытия, самый род жизни, — отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устывать, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру куперовской тетралогии, начинающейся «Последним из могикан», продолжающейся «Путеводителем в Пустыне» и «Пионерами» и оканчивающейся «Степями»...⁵⁹

О характере содержания этой «романтической трилогии» судить предельно трудно, если не сказать — невозможно. Единственной подсказкой тут может служить упоминание ее серии романов Ф. Купера⁶⁰. Для самого Белинского это имя значило очень

⁵⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: Изд. АН СССР, 1954. Т. V. С. 455.

⁶⁰ Книги Джеймса Фенимора Купера (1789—1851) в России стали известны во французских и русских переводах с середины 1820-х годов. Наиболее популярен цикл его романов о Кожаном Чулке — Натти

много. Он был не только страстным читателем и почитателем Купера. Произведения американца служили для него определенным эстетическим мерилом, и Белинский не раз упоминал его в ряду других, очень немногих, представителей «высшей художественной поэзии» — таких, как Гомер, Шекспир, Байрон, Шиллер и Пушкин. «Живя в Пятигорске, — замечает критик в одном из своих писем с юга в 1837 году, — я перечел множество романов и между ними несколько Куперовых, из которых вполне понял стихии североамериканских обществ...»⁶¹

Круг чтения Лермонтова также был невероятно широк. Но никаких замечаний о Купере он не оставил. О его интересе к американскому романисту мы можем судить только со слов Белинского. О задуманной Лермонтовым трилогии тот узнал, вероятнее всего, во время их встречи в апреле 1840 года в Ордонанс-гаузе, где Лермонтов находился под арестом за дуэль с де Барантом. Подробности этого свидания Белинский вскоре изложил в письме к В. П. Боткину, в котором среди прочего заметил следующее: «Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше В. Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целостности. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же»⁶².

Об этой встрече поэта и критика вспоминает И. И. Панаев, передающий восхищенные слова Белинского: «Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. Он перешел от Вальтер Скотта к Куперу и говорил о Купере с жаром, доказывал, что в нем несравненно более поэзии, чем в Вальтер Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением. Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!..»⁶³

Купер писал о наступлении европейской цивилизации на североамериканский континент, захвате новых земель и борьбе белых с коренным населением — индейцами. То, что Белинский сравнивал замысел Лермонтова (если только сравнение не принадлежит самому поэту) именно с этой серией куперовских романов, позволяет нам сделать осторожное, но важное предположение. Для Лермонтова подобной ареной столкновения европейского прогресса с первобытной вольностью диких племен мог служить только Кавказ. В таком случае олицетворением грозной, всеподавляющей силы русских в этом крае оказался бы именно Ермолов. И все это в значительной мере подтверждается словами М. П. Глебова, приятеля Лермонтова и секунданта на его последней дуэли. Приводим его рассказ в передаче П. К. Мартянова:

Всю дорогу от Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных разговоров, никаких посмертных распоряжений от него Глебов не слышал. Он ехал как будто на званый пир какой-нибудь. Все, что он высказал за время переезда, это — сожаление, что он не мог получить увольнение от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. «Я выработал уже план, — говорил он Глебову, — двух романов: одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Пе-

Бумпо. Здесь они перечислены согласно последовательности повествования: «Зверобой» (1841, русский перевод — 1848), «Последний из могижан» (1826, русский перевод — 1833), «Путеводитель в пустыне» (1840, русский перевод — 1841; в дальнейшем известен под названием «Следопыт»), «Пионеры» (1823, русский перевод — 1832), «Степи» (1827, русский перевод — 1829; в дальнейшем известен под названием «Прерия»).

⁶¹ Белинский В. Г. Указ. соч. — 1956. Т. XI. С. 167.

⁶² Там же. С. 509.

⁶³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 309–310.

тербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране, и вот придется сидеть у моря и ждать погоды, когда можно будет приниматься за кладку их фундамента. Недели через две уже нужно будет отправляться в отряд, к осени пойдем в экспедицию, а из экспедиции когда вернемся!»⁶⁴

В каком бы направлении ни развивался лермонтовский замысел, Ермолов в любом случае мог оказаться сквозным, и если не главным, то одним из самых значительных персонажей трилогии. Если говорить о Кавказе, то важнейшим событием здесь в век Екатерины был поход графа Зубова, в котором принимал участие и Ермолов. В царствование Александра Россия выдержала долгую и трудную борьбу с Наполеоном, Москва была сожжена, но русские войска дошли до Парижа. Тогда предполагалось, что Ермолов примет в командование наш оккупационный корпус, оставленный во Франции. Однако этого не случилось, и он, герой Бородина, оказался уже полномочным «проконсулом Кавказа». При Николае картина совершенно переменялась, и Ермолов был отсюда удален, но память о нем и его авторитет в кавказских войсках оставались непоколебимы. Вспомним, как приосанился лермонтовский Максим Максимыч, упомянув о своей службе «при Алексее Петровиче». Одна из самых внушительных фигур в нашей истории XIX века, Ермолов был бы достоин лучших страниц и нашей великой литературы, но судьба и тут отвернулась от него: выстрел дуэльно-го пистолета поставил безжалостную точку в так и не написанном романе.

С чувством горького сожаления Ермолов отозвался на известие о гибели Лермонтова: «Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!»⁶⁵ И еще выразился в том смысле, что будь это в его времена на Кавказе, то он нашел бы случай спровадить Мартынова на верную смерть. И слова эти отнюдь не были отвлеченной фигурой речи: Ермолов прекрасно знал, о ком говорил, так как был лично знаком не только с Лермонтовым, но и с его убийцей. Вот как об этом знакомстве поведал сам Николай Мартынов. Получив в 1837 году командировку на Кавказ, он задержался на некоторое время в Москве:

В Москве я остановился недели на две... В эту самую пору проезжал чрез Москву Лермонтов. Он был переведен из гвардии в Нижегородский драгунский полк тем же чином за стихи, написанные им на смерть Пушкина. Мы встречались с ним почти всякий день, часто завтракали вместе у Яра; но в свете он мало показывался. В конце апреля я выехал в Ставрополь...

Отец мой был в дружеских отношениях с А. П. Ермоловым, а потому он просил сего последнего, еще до приезда моего, снабдить меня рекомендательным письмом к бывшему начальнику его штаба Алексею Александровичу Вельяминову. Рекомендательные письма уже в наше время были не в моде: молодые люди избегали этого способа заискивания у новых начальников и, разумеется, неохотно принимали подобные письма. Но со старыми людьми ничего не поделаешь: у них свой взгляд на вещи, и разуверить их нет никакой возможности. Делать было нечего, я покорился воле отца и поехал рано утром к Алексею Петровичу. Он жил тогда на каком-то бульваре; как теперь помню, деревянный одноэтажный домик с мезонином. В этом мезонине он принял меня: это был его рабочий кабинет. Большое венецианское окно выходило на улицу; перпендикулярно к нему стоял письменный стол. По одну сторону письма сидел Алексей Петрович, по другую — какой-то генерал в сертуке

⁶⁴ Там же. С. 534.

⁶⁵ Там же. С. 511.

и в эпюлетах, который писал под его диктовку. Когда обо мне доложили, Алексей Петрович привстал со своего места и сделал несколько шагов мне навстречу. Он очень обласкал меня, посадил, расспрашивал о здоровье отца и вообще был как нельзя более любезен. Я видел его и прежде, а потому для меня знакомство с ним не было новым; но меня давила мысль, что я приехал за рекомендательным письмом, и чрез это самое мне на душе становилось весьма неловко. Чтобы выйти разом из затруднительного положения и, вместе с тем, намекнуть Ермолову, что я не солидарен с просьбою отца, я выговорил почти не переводя духа: «Ваше высокопревосходительство, я на днях отправляюсь на Кавказ и приехал спросить, не угодно ли вам будет дать мне какое-либо поручение к Алексею Александровичу?» Подвижная физиономия Ермолова, как мне показалось, выразила некоторое удивление или недоумение от моего вопроса; но это была одна секунда. Он тотчас же отвечал мне: «Как не быть поручений? Мы с Вельяминовым старинные приятели, слава Богу, есть о чем потолковать. Я с вами отправлю к нему тяжеловесное письмо. Когда вы едете?» — Я назначил день. — «Хорошо, я пришлю его к вам на дом».

Цель моя была достигнута: рекомендация являлась на втором плане, если ей еще суждено пробиться на свет Божий; но главное место, во всяком случае, принадлежало уже личной переписке...⁶⁶

Скажем еще об одной загадке, существующей в лермонтоведении. Речь идет о стихотворении «Великий муж», созданном, как полагают исследователи, около 1837 года и, вполне вероятно, являющимся, как и знаменитое «Бородино», поэтическим откликом Лермонтова на 25-ю годовщину нашей главной национальной битвы.

Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»

Загадка же заключается в том, что имени «великого мужа» до сих пор никто доподлинно не знает. Автограф стихотворения сохранился не полностью: верхняя часть листа, на которой была написана начальная строфа и где, быть может, было названо имя героя, оказалась оторванной. Кем и когда это сделано, случайно или же из каких-то опасений — неизвестно, и теперь остается только гадать, кого и что мог иметь в виду поэт.

Первым, по-видимому, свое мнение о «великом муже» высказал И. М. Болдаков, библиотекарь Императорской публичной библиотеки. В примечаниях ко второму тому «Сочинений» Лермонтова, вышедших в 1891 году, он назвал, с некоторым все же сомнением, имя французского поэта Андре Шенье. Этот молодой человек, сын гре-

⁶⁶ Нарцов А. Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Нарцовых. — Тамбов, 1904. Часть II. Приложения. С. 155—157.

чанки и французского дипломата, при жизни прославился как острый публицист. Франция переживала тогда не лучшие времена, повсюду властвовал террор якобинцев. Задержанный случайно, Шенье уже не смог вырваться из цепких объятий кровавой диктатуры. Последние месяцы жизни он провел в парижской тюрьме Сен-Лазар и, заподозренный в связях с роялистами, был казнен в 1794 году, буквально за два дня до падения республиканского режима.

Только четверть века спустя после гибели Шенье его стихотворное наследие было собрано воедино и выпущено в свет. Первый же, посмертный, сборник принес поэту европейскую известность. У Пушкина есть стихотворение «Андрей Шенье». Лермонтов, разумеется, тоже был знаком с судьбой и творчеством французского собрата, потерявшего голову под ножом гильотины. Более того, испытывал заметное влияние и даже написал в юности стихотворение «Из Андрея Шенье». Но это не перевод, как можно подумать, и даже, кажется, о нем нельзя сказать, что написано «по мотивам». Здесь Лермонтов выразил все абсолютно свое, а имя Шенье в заглавии поставил, что называется, для пущей важности. Обращаясь к возлюбленной, он говорит о своей вражде с обществом и предсказывает себе, страдальцу молодому, ужасный жребий: изгнание, клевету и безвременный конец.

Тут одно как-то не вяжется с другим: надуманные литературные вздохи стихотворения «Из Андрея Шенье» очень далеки от энергичного ритма и вдохновенных интонаций «Великого мужа». Так или иначе, догадку Болдакова никто не поддержал, о ней просто-напросто забыли, а в дальнейшем кандидата в «великие мужья» искали уже более патриотично, среди своих.

В советское время предположение о личности лермонтовского героя высказал глубокий и тонкий знаток русской поэзии Борис Михайлович Эйхенбаум, считавший, что «по тексту стихотворения видно, что речь идет о человеке, который совершил какой-то нравственный подвиг, но не получил никакой награды, а, наоборот, был обвинен современниками в нелюбви к отечеству или в измене ему. При этом стихотворение явно обращено к живому, а не к умершему»⁶⁷. Позднее автор статьи о «Великом муже» в Лермонтовской энциклопедии ничего к этой замечательной формуле добавить не смог и просто переписал ее своими словами, отметив, что «социальный пафос стихотворения совершенно ясен: это возмущение по поводу того, что выдающийся гражданский подвиг не встретил понимания у тех, в чьих интересах он был совершен»⁶⁸.

Исходя из вышеизложенных соображений, Эйхенбаум предложил на роль «великого мужа» П. Я. Чаадаева. Но ни этот официально объявленный в России сумасшедшим автор «философического письма», ни позже выдвинутый в герои стихотворения другими учеными М. Б. Барклай де Толли (какую отчизну, спрашивается, любил этот остзейский шотландец?) никого так и не устроили. Догадки множились, и число претендентов постепенно росло. Называли еще имена А. Н. Радищева, П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, П. А. Катенина, Н. Н. Раевского, М. М. Сперанского, еще раз Чаадаева и — А. П. Ермолова.

К сожалению, никто пока не попытался определить, так сказать, ранг «великого мужа», тот уровень общественного или государственного положения, который обеспечивал бы историческому лицу полное право именоваться подобным образом. Если же прислушаться к Лермонтову, то у него «муж рока» — это Наполеон, которому сопутствуют еще и такие эпитеты, как «герой» и «вождь». Разумеется, Наполеон —

⁶⁷ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. Редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума. — М.; Л.: Academia, 1936. Т. II. С. 167.

⁶⁸ Аринштейн Л. М. «Великий муж! Здесь нет награды» // Лермонтовская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 81.

это своего рода поэтический абсолюте, но фигура искомого «мужа» должна быть, по меньшей мере, сопоставима с ним.

Имя Ермолова назвал тот, кто имел, как никто другой, возможность на протяжении долгого времени скрупулезно и квалифицированно осмыслить проблему «великого мужа», — выдающийся ученый, главный редактор Лермонтовской энциклопедии Виктор Андроникович Мануйлов. Если первоначально он настаивал на кандидатуре Барклая, то в одной из своих итоговых работ, в комментарии к роману «Герой нашего времени», он осторожно заметил: «Возможно, что стихотворение Лермонтова 1836 года „Великий муж! Здесь нет награды...“ обращено к Ермолову, а не к П. Я. Чаадаеву или М. Б. Барклаю де Толли, как это считалось раньше. Имя Ермолова — единственное имя русского полководца, упомянутое в „Герое нашего времени“ и в прилегающем к этому роману очерке Лермонтова „Кавказец“ (1841)»⁶⁹.

Добавим к этому, что не только на протяжении романа, но на протяжении всей жизни Лермонтов в своих произведениях никаких других наших полководцев, кроме Суворова и Ермолова, вообще не упоминал.

При всем том, что каждый из названных претендентов на пьедестал совершил свой собственный подвиг и навсегда вписал свое имя в нашу историю, такое их количество говорит в данном случае только об одном: содержание стихотворения не позволяет указать со степенью неоспоримой правоты на кого-то одного из них как на подлинного, то есть именно на лермонтовского «великого мужа». Выдвижение каждого из них имеет и свои разумные основания, и свои уязвимые места.

Если же пока отвлечемся от лермонтовских строк и обратимся к близкому историческому и литературному контексту стихотворения, то из плотной череды претендентов на первый план сразу же выдвинется исполинская фигура Ермолова. И вот почему.

Во-первых, он вполне соответствует всем изложенным выше меркам: на момент написания стихотворения он был жив; по своим чинам и заслугам давно получил все права на ранг «великого мужа», отмеченного к тому же безусловной и безупречной воинской доблестью; свой «славный подвиг» он совершил на Бородинском поле; если угодно, то нравственным, а равно гражданским подвигом Ермолова можно считать его бескорыстное и самоотверженное служение отчизне; что касается до обвинений или непонимания современников, то тут следует вспомнить, как незаслуженно и оскорбительно полководец был изгнан со своего кавказского поприща и в дальнейшем обречен на десятилетия бездействия и опалы.

Во-вторых, поэтическое обращение к личности великого человека у Лермонтова не могло, как нам кажется, быть однократным. Безусловный лидер таких обращений Джордж Байрон упомянут у Лермонтова 20 раз. Следующий за ним Наполеон — 16. Ермолов в этом смысле представлен заметно скромнее, он упомянут в произведениях Лермонтова семь раз (трижды — «Ермолов», дважды — «Алексей Петрович» и еще дважды — «генерал», в поэме «Мцыри» и стихотворении «Спор»). Зато все остальные из перечисленных претендентов не упомянуты вообще ни единого раза. Никто и ни единого раза!

«Блистательную тризну» по своему герою свершил сам Лермонтов, прославив его имя в своем бессмертном романе, в очерке «Кавказец» и в самом большом своем батальном стихотворении «Валерик». Впечатляющий образ генерала нарисован в стихотворении «Спор». Не забудем и замысел Лермонтова из русской истории, где Ермолов стал бы, как можно предположить, одним из главных героев. «Я выработал уже план, — рассказывал поэт своему приятелю М. П. Глебову, — двух романов: одного из

⁶⁹ Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. — Л.: Просвещение, 1975. С. 71.

времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране...»

Осуществись этот замысел — и Ермолов тогда, безусловно, далеко отодвинул бы с первых мест и французского императора, и английского поэта. О ком же еще, о каком вообще еще историческом лице Лермонтов отзывался с таким же преклонением, как о Ермолове? И кто тогда для него «великий муж», если не Ермолов?

Вернувшись же, в-третьих, к лермонтовским строкам, прочтем их вновь, а именно две последние строфы, содержащие, в сущности, предсказание посмертной судьбы «великого мужа». Для поэта нет сомнений, что его герой навсегда останется в памяти «поздних потомков». По отношению к кому, как не к Ермолову, эти слова так providчески оправдались? Имя Ермолова, наряду с именами очень немногих наших великих полководцев — Суворова, Кутузова, Жукова — и по сей день произносится с благодарностью и благоговейным трепетом. И словно в ответ на последнюю строку лермонтовского шедевра — «он любил отчизну», никто другой не изрек таких простых и гордых слов, как Ермолов: «Никогда неразлучно со мною чувство, что я Россиянин».